

РОССИЙСКИЙ СУДЬЯ

№ 12

декабрь 2020

«Настоящее исследование показало, что в определенных случаях положительная информация, размещенная в сети Интернет, может нарушать права участников гражданских правоотношений и данные лица вправе требовать её удаления»

Архиреев Н.В. «Право на удаление положительной информации, размещенной в сети Интернет»

Стр. 3

- Дефекты толкования норм арбитражного процессуального права в современной судебной практике
- Участие юридического лица в уголовном деле
- К вопросу о квалификации заведомо ложного доноса
- Упрощенные производства по гражданским делам в зарубежном законодательстве и судебной практике
- Императивные рекомендации: правовые позиции Конституционного Суда РФ об оценке доказательств

ISSN 1812-3791

9 771812 379776 >

РОССИЙСКИЙ СУДЬЯ

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЕ И ИНФОРМАЦИОННОЕ ИЗДАНИЕ.

Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.

ПИ № ФС77-57988 от 28 апреля 2014 г. Журнал выходит с 1998 г. Издаётся ежемесячно.

№ 12/2020

Учредители: ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА «ЮРИСТ», СУДЕБНЫЙ ДЕПАРТАМЕНТ ПРИ ВЕРХОВНОМ СУДЕ РФ

СОДЕРЖАНИЕ

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

3 Архиреев Н.В. Право на удаление положительной информации, размещенной в сети Интернет

9 Шевченко И.М. О судьбе уголовно-процессуального ареста в конкурсном производстве

15 Потапенко Е.Г. Дефекты толкования норм арбитражного процессуального права в современной судебной практике

20 Макеева Е.Б. Плюсы и минусы упрощенного производства в арбитражном процессе. Взгляд практика

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

25 Стельмах В.Ю. Участие юридического лица в уголовном деле

30 Бикмиев Р.Г., Бурганов Р.С. Процессуальное соучастие при рассмотрении гражданского иска в уголовном процессе

35 Сретенцев Д.Н., Волкова В.Р. Проблемы формирования судебных экспертиз новых родов и видов

40 Самойлюк Н.В., Чехонина Д.П. К вопросу о квалификации заведомо ложного доноса

45 Корнакова С.В. Актуальные вопросы квалификации похищения человека

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

51 Крымский Д.И. Упрощенные производства по гражданским делам в зарубежном законодательстве и судебной практике

56 Юн Л.В. Осуществление конституционного правосудия в Люксембурге и Лихтенштейне: зарубежный опыт

ИЗ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

59 Махтук С.О. Императивные рекомендации: правовые позиции Конституционного Суда РФ об оценке доказательств

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР ЖУРНАЛА:

Бабкин А.И.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Алауханов Е.О., д.ю.н., профессор, заслуженный деятель Республики Казахстан;

Андреева Т.К., к.ю.н., профессор, заслуженный юрист РФ;

Гусев А.В., д.э.н., профессор;

Добрынин К.Э., статс-секретарь Федеральной палаты адвокатов РФ;

Ершов В.В., д.ю.н., профессор;

Запольский С.В., д.ю.н., профессор, заслуженный юрист РФ;

Зорькин В.Д., Председатель Конституционного Суда РФ, д.ю.н., профессор;

Иванов А.А., к.ю.н., профессор;

Лебедев В.М., Председатель Верховного Суда РФ, д.ю.н., профессор, заслуженный юрист РФ;

Сидоренко Ю.И., судья Верховного Суда РФ в отставке

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Дедов Д.И., судья Европейского Суда по правам человека от РФ, д.ю.н., доцент;

Жилин Г.А., судья Конституционного Суда РФ в отставке, д.ю.н., профессор, заслуженный юрист РФ;

Нешатаева Т.Н., судья Суда

Евразийского экономического союза, д.ю.н., профессор;

Орлов А.В., председатель Арбитражного суда Центрального округа, к.ю.н.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ГРУППЫ «ЮРИСТ»:

Гриб В.В., д.ю.н., профессор, член-корреспондент РАО, заслуженный юрист РФ

ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ГРУППЫ «ЮРИСТ»:

Бабкин А.И., Бельх В.С., Ренов Э.Н., Платонова О.Ф., Трунцевский Ю.В.

ЦЕНТР РЕДАКЦИОННОЙ ПОДПИСКИ:

Тел.: (495) 617-18-88 (многоканальный)

Фото на обложке: фотобанк Лори

РЕДАКЦИЯ: Лаптева Е.А., Соловьева Д.В.

ВЕРСТКА: Курукина Е.И.

НАУЧНОЕ РЕДАКТИРОВАНИЕ И КОРРЕКТУРА:

Швечкова О.А., к.ю.н.

Телефон редакции: (495) 953-91-08.

Адрес редакции / издателя:

115035, г. Москва, Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7.

E-mail: avtor@lawinfo.ru

Журнал включен в базу данных

Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации для публикаций основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (12.00.02; 12.00.03; 12.00.10; 12.00.11; 12.00.15 – юридические науки).

Полная или частичная перепечатка материалов без письменного разрешения авторов статей или редакции преследуется по закону.

Подписка по России:

«Объединенный каталог. Пресса России» — инд. 85499,

«Почта России». Электронный каталог — П1774,

а также через www.lawinfo.ru

Формат 60 x 90/8. Печать офсетная.

Бумага офсетная № 1.

Физ. печ. л. 6,0. Усл. печ. л. 6,0.

Тираж 4000 экз. Цена свободная.

Подписано в печать: 30.11.2020.

Дата выхода в свет: 10.12.2020.

Отпечатано в ООО «Национальная полиграфическая группа».

248031, г. Калуга, ул. Светлая, д. 2.

ISSN 1812-3791

RUSSIAN JUDGE

SCIENCE-PRACTICE AND INFORMATIONAL EDITION.
REGISTERED AT THE FEDERAL SERVICE FOR THE MONITORING IN THE SPHERE
OF MASS COMMUNICATIONS, COMMUNICATION AND PROTECTION OF CULTURAL HERITAGE.
PI No. FC77-57988. APRIL 28, 2014. PUBLISHED SINCE 1998. PUBLISHED MONTHLY.

No. 12/2020

Founders: JURIST PUBLISHING GROUP, JUDICIAL DEPARTMENT ATTACHED THE SUPREME COURT OF THE RF

CONTENTS

CIVIL LAW AND PROCEDURE

3 Arkhiereev N.V. The Right to Delete Positive Information Published on the Internet

9 Shevchenko I.M. On the Future of a Criminal Procedure Arrest in Bankruptcy Proceedings

15 Potapenko E.G. Defects in the Interpretation of Provisions of the Law of Arbitral Procedure in the Modern Judicial Practice

20 Makeeva E.B. Advantages and Disadvantages of Summary Proceedings in an Arbitral Procedure. A Practitioner's View

CRIMINAL LAW AND PROCEDURE

25 Stelmakh V.Yu. The Involvement of a Legal Entity in a Criminal Case

30 Bikmiev R.G., Burganov R.S. Joinder in a Civil Claim Proceeding in a Criminal Procedure

35 Sretentsev D.N., Volkova V.R. Issues of the Establishment of Forensic Examinations of New Sorts and Types

40 Samoylyuk N.V., Chekhonina D.P. On the Legal Treatment of an Intentionally False Denunciation

45 Kornakova S.V. Relevant Issues of the Legal Treatment of Abduction

FOREIGN EXPERIENCE

51 Krymskiy D.I. Summary Proceedings in Civil Cases in Foreign Laws and Judicial Practice

56 Yun L.V. Exercising of Constitutional Justice in Luxembourg and Liechtenstein: The Foreign Experience

FROM THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION

59 Makhtyuk S.O. Imperative Recommendations: Legal Views of the Constitutional Court of the Russian Federation on Evidence Evaluation

Subscription in Russia:
Unified Catalogue. Russian Press — index 85499,
Russian Post. Digital Catalogue — П1774
and also through www.lawinfo.ru
Size 60 x 90/8.
Offset printing. Offset paper № 1. Printer's sheet 6,0.
Conventional printed sheet 6,0.
Circulation 4000 copies. Free market price.
Passed for printing: 30.11.2020.
Edition was published: 10.12.2020.
Printed by National Polygraphic Group Ltd.
2, Svetlaya st., Kaluga, 248031.
ISSN 1812-3791

EDITOR IN CHIEF OF JOURNAL:

Babkin A.I.

EDITORIAL BOARD:

Alaukhanov E.O., LL.D., Professor,
Honored worker of the Republic of Kazakhstan;

Andreeva T.K., PhD (Law), Professor,
Honored Lawyer of the RF;

Gusev A.V., Doctor of Economics, Professor;

Dobry'nin K.E., the State Secretary
of the Federal Chamber of Lawyers of the RF;

Ershov V.V., LL.D., Professor;

Zapol'skij S.V., LL.D., Professor,
Honored Lawyer of the Russian Federation;

Zor'kin V.D., Chairman, the Constitutional Court of the RF,
LL.D., Professor;

Ivanov A.A., PhD (Law), Professor;

Lebedev V.M., Chairman, the Supreme Court
of the RF, LL.D., Professor,
Honored Lawyer of the Russian Federation;

Sidorenko Yu.I., Judge of the Supreme Court (retired)

EDITORIAL STAFF:

Dedov D.I., Judge of the European Court of Human Rights
from the RF, LL.D., Associate Professor;

Zhilin G.A., Judge of the Constitutional Court of the RF
in resignation, LL.D., Professor, Honored Lawyer of the RF;

Neshataeva T.N., Judge of the Court of the Eurasian Economic
Union, LL.D., Professor;

Orlov A.V., the Chairman of the Arbitration court
of the Central district, PhD (Law)

EDITOR IN CHIEF OF JURIST PUBLISHING GROUP:

Grib V.V., LL.D., Professor, Corresponding Member of the RAE,
Honored Lawyer of the RF

DEPUTY EDITORS IN CHIEF OF JURIST PUBLISHING GROUP:

Babkin A.I., Belykh V.S., Renov Eh.N., Platonova O.F., Truncevskij Yu.V.

CENTRE FOR EDITORIAL SUBSCRIPTION:

Tel.: (495) 617-18-88 (multichannel)

Photo of the cover: Lori Photobank

EDITORIAL OFFICE: Lapteva E.A., Solovyova D.V.

LAYOUT: Kurukina E.I.

SCIENTIFIC EDITING AND PROOFREADING:

Shvechkova O.A., PhD (Law)

Telephone of the Editorial Staff: (495) 953-91-08.

Address of Editorial office / Publisher:

Bldg. 7, 26/55, Kosmodamiyanskyaya Emb, Moscow, 115035.

E-mail: avtor@lawinfo.ru

The journal is included in the database Russian science citation index.

Recommended by the Supreme Attestation Commission under the
Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation
for publications of results of PhD and doctoral theses (12.00.02;
12.00.03; 12.00.10; 12.00.11; 12.00.15 — law science).
Copyright reserved. Complete or partial reproduction of authors'
materials without prior written permission of the authors or the Editor-
ial Staff shall be subject to legal prosecution.

DOI: 10.18572/1812-3791-2020-12-3-8

Право на удаление положительной информации, размещенной в сети Интернет

Архиереев Николай Викторович,

заместитель председателя Арбитражного суда Республики Башкортостан,
кандидат юридических наук
nick.mr@rambler.ru

В статье рассмотрен новый для науки гражданского права вопрос права требования удаления размещенной в сети Интернет положительной информации, которая потенциально нарушает право как отдельных участников гражданских правоотношений, так и неопределенного круга лиц. Сделан вывод, что при соблюдении определенных условий исковые требования об удалении из сети Интернет подобной информации могут быть удовлетворены.

Ключевые слова: деловая репутация, положительная информация, отзывы потребителей и клиентов, реклама, Интернет, право на защиту.

The Right to Delete Positive Information Published on the Internet

Arkhiereev Nikolay V.

Deputy Presiding Judge of the Commercial Court of the Republic of Bashkortostan
PhD (Law)

The article deals with the issue of the right to demand the deletion of positive information posted on the Internet, which is a new issue for the science of civil law, which potentially violates the rights of both individual participants in civil legal relations and an indefinite circle of persons. It is concluded that, subject to certain conditions, the claims for the removal of such information from the Internet can be satisfied.

Keywords: business reputation, positive information, consumer and customer reviews, advertising, internet, right to protection.

Нематериальные блага защищаются в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации (далее — ГК РФ) и другими законами в случаях и в порядке, ими предусмотренными, а также в тех случаях и пределах, в каких использование способов защиты гражданских прав (ст. 12) вытекает из существа нарушенного нематериального блага или личного немущественного права и характера последствий этого нарушения.

Неимущественное гражданское право лица в случае его нарушения либо возникновения угрозы такого нарушения может быть защищено в судебном порядке, в том числе посредством восстановления положения, существовавшего до нарушения права.

В статье 1 ГК РФ к числу основных начал гражданского законодательства отнесены, в частности, необходимость беспрепятственного осуществления гражданских прав, обеспечения восстановления нарушенных прав, их судебной защиты.

В науке гражданского права и судебной практике вопрос признания не-

гативных сведений о физическом или юридическом лице не соответствующими действительности и порочащими деловую репутацию является достаточно проработанным. Хотя, нужно оговориться, распространение Интернета, социальных сетей, появление новых способов распространения информации, заставляет переосмыслить многие положения, вновь и вновь возвращаясь к вопросу эффективности защиты чести, достоинства и деловой репутации, соотношения свободы слова, права на информацию, права на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, права на защиту своей чести и доброго имени.

Также весьма устоявшейся является практика, касающаяся отрицательных отзывов потребителей о товарах, услугах, продавцах или бывших работников о своих работодателях. Диффамационные законы здесь неприменимы, если речь не идет об оскорбительных выражениях.

Новым, актуальным и довольно спорным является вопрос удаления положительной информации в сети

Интернет. На первый взгляд звучит это несколько абсурдно. В связи с этим возникает большое количество вопросов. Как положительная информация может нарушать чьи-либо права? Может ли суд обязать кого-либо удалить такую информацию? Если да, то должна ли она быть не соответствующей действительности? Можно ли требовать удаления положительной информации, соответствующей действительности? Можно ли требовать удаления отрицательной соответствующей действительности информации (например, лицо изменило свое отрицательное мнение на положительное)? Имеет ли значение источник (автор) информации в контексте надлежащего истца (только ли автор имеет право на требование удаления информации)? Имеет ли значение то обстоятельство, что положительная информация (например, отзыв потребителя), опубликованная на одном сайте, размещена (перепечатана, репост) на другом, к вопросу надлежащего ответчика? Должно ли быть предварительное, до обращения в суд, обращение к владельцу сайта с требованием удаления или изменения положительной информации? Может ли потребитель, разочарованный в товаре, требовать удаления ранее размещенного положительного отзыва? Является ли невозможность самостоятельного удаления положительной информации, ее изменения или публикации на том же сайте новой отрицательной информации обязательным условием для удовлетворения иска об удалении положительной информации? Какими нормами права руководствоваться при рассмотрении подобных дел? В частности, применимы ли подходы, вытекающие из дел о защите чести, достоинства и деловой репутации?

Подобные вопросы имеют большое значение при регулировании электронной коммерции.

Итак, может ли положительная информация нарушать чьи-либо права? Ответ положительный: может. Ярким примером является дело № А07-34887/2019, рассмотренное Арбитражным судом Республики Башкортостан¹.

¹ URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/9ee1519e-3cef-412d-bcfd-052b2ae9dcd7/3eae7033-4ee1-4d87-87e3-0a01ed0096ea/A07-34887-2019_20200313_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 02.11.2020).

Суд первой инстанции частично удовлетворил требования истца. Восемнадцатый арбитражный апелляционный суд отменил это решение и в иске отказал². Арбитражный суд Уральского округа отменил постановление суда апелляционной инстанции, оставив решение суда первой инстанции без изменения³. Таким образом, у нас имеется возможно увидеть как минимум два подхода к обозначенному вопросу.

В некоторых комментариях, с которыми можно согласиться, отмечается, что позиция судов, высказанная в данном деле, может повлиять на развитие судебной практики в России⁴.

Как следует из судебных актов, консалтинговая компания оказывала юридическому лицу различные правовые услуги. В период сотрудничества клиент, по просьбе консалтинговой компании, представил положительный отзыв о долговременном опыте и плодотворном сотрудничестве с этой компанией. Этот отзыв был размещен на сайте компании.

Однако в последующем отношении прекратились. По мнению истца, это было обусловлено недобросовестными действиями сотрудников компании. Соответственно, мнение клиента о компании изменилось с положительного на отрицательное.

Обращение клиента об удалении этого положительного отзыва в добровольном порядке компания проигнорировала.

Позиция истца:

- 1) истец не давал согласия на публикацию отзыва;
- 2) размещенная информация перестала соответствовать действительности;
- 3) отзыв оказывает негативное влияние на деловую репутацию клиента;
- 4) истец лишен возможности удалить или изменить свой отзыв самостоятельно, а также опубликовать новый.

² URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/9ee1519e-3cef-412d-bcfd-052b2ae9dcd7/c8bb7f5f-7769-4442-b400-87e3857ee52a/A07-34887-2019_20200629_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 02.11.2020).

³ URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/9ee1519e-3cef-412d-bcfd-052b2ae9dcd7/ee4a9537-ed89-480f-ace2-1644eca5ac4f/A07-34887-2019_20201021_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 02.11.2020).

⁴ URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4558166> (дата обращения: 05.11.2020).

Позиция ответчика:

1) отзыв, удаление которого требует истец, сформирован самим же истцом, а не ответчиком и содержит сведения только об ответчике, следовательно, отзыв нельзя отнести к распространению сведений об истце;

2) отзыв клиента не содержит каких-либо негативных сведений об истце;

3) отзыв содержит оценочное суждение истца и его мнение об ответчике по состоянию на конкретную дату, следовательно, размещение отзыва не является предметом судебной защиты в порядке ст. 152 ГК РФ;

4) обязанность удаления отзыва не предусмотрена ни договором, ни законом;

5) на момент составления отзыва истцом его мнение соответствовало отзыву, в дальнейшем, если у истца изменилось мнение об ответчике, он вправе выразить его на иных ресурсах.

Позиция суда первой инстанции, поддержанная судом кассационной инстанции:

1) положения ст. 152 ГК РФ в данной ситуации неприменимы;

2) действия ответчика по отказу истцу в размещении на своем сайте измененного мнения истца в виде актуального отзыва относительно деятельности ответчика, равно как и по отказу истцу удалить с данного сайта его отзыв с учетом того, что в настоящее время мнение истца изменилось и не соответствует изложенному в данном отзыве, нарушают права истца свободно выражать, а также менять свое мнение и убеждения, в том числе и в отношении работы ответчика;

3) с учетом того, что истец лишен возможности самостоятельно разместить на сайте ответчика отрицательное мнение либо удалить его, а ответчик это отказался сделать, требование об удалении отзыва является надлежащим способом защиты нарушенного права.

Позиция суда апелляционной инстанции:

1) затронуть деловую репутацию юридического лица в негативном аспекте, что влечет у него возникновение права на судебную защиту, возможно только в том случае, если размещенные в широком доступе порочащие сведения касаются именно и непосредственно этого юридического лица.

В рассматриваемом случае отзыв от имени истца относится именно и непосредственно к ответчику, его деятельности, а не к деятельности истца;

2) отсутствует обязательная совокупность признаков, при наличии которых устанавливается факт, порочащий деловую репутацию юридического лица: сведения должны носить порочащий характер, быть распространены и не соответствовать действительности:

— отзыв составлен самим истцом;

— на момент размещения информации, содержащейся в отзыве, она соответствовала действительности;

— размещенная на сайте ответчика информация в отношении ответчика и от имени истца не носит порочащий характер как в отношении ответчика, так и в отношении истца;

— изменение мнения истца в отношении ответчика не превратило ранее размещенную информацию в порочащую деловую репутацию, тем более истца;

3) наличие или отсутствие возможности у истца удалить спорный отзыв с сайта ответчика правового значения не имеет.

Можно привести и иные ситуации, в которых распространение положительной информации может нарушать чьи-либо права.

На сайтах компаний или на различных торговых онлайн-площадках размещаются отзывы покупателей о товарах или услугах. Многие, прежде чем купить товар, ищут отзывы о нем, а, бронируя жилье в туристических поездках, обращают внимание на мнения предыдущих постояльцев, их фото места размещения. Положительные, но ложные, приукрашенные отзывы могут испортить отдых или убедить приобрести некачественный товар.

Причем этой «положительной» информацией могут быть придуманные (фейковые) отзывы конкретных, реально существующих людей.

Как пишет Д.А. Мотовилова, «публикация фальшивых отзывов (fake reviews) и удаление (или отказ в публикации) негативных отзывов, материальное вознаграждение лиц, оказывающих влияние на целевую аудиторию (знаменитости, блогеры), проставление отметок “нравится” (like) для создания видимости

популярности товара или услуги — все эти методы активно используются для продвижения товаров и услуг средствами электронного маркетинга. Вместе с тем все эти практики, безусловно, должны быть охарактеризованы как незаконные и недобросовестные, так как они искажают представления о действительных качествах товаров или услуг, а иногда и наносят прямой ущерб конкурентам. Если предприниматели заинтересованы в том, чтобы создать положительное впечатление о предлагаемых товарах и услугах, то интерес потребителей состоит в получении достоверной информации, которая позволит сделать им правильный выбор»⁵.

Также возникают обстоятельства, при которых потребитель изменил свое мнение (товар оказался некачественный, был отказ в гарантийном ремонте, сотрудники компании оскорбили клиента и т.д.).

Например, что достаточно распространено, на сайте подрядчика или поставщика приводится информация о положительном опыте работы с крупными заказчиками или покупателями. Однако данный опыт не всегда является положительным для клиентов (заказчиков), либо подобных взаимоотношений вообще никогда не было.

Вся подобная информация размещается на сайтах, как правило, в рекламных целях, для формирования положительного мнения о себе в целях привлечения клиентов. Нарушать она может право как упомянутых организаций (заказчиков работ или услуг, покупателей), физических лиц (авторов отзывов), так и неограниченного круга потребителей, которые принимают решения исходя из отзывов других потребителей, сформированного рейтинга. Многие компании буквально бьются за высокие рейтинги на различных сайтах, понимая, что за этим лежит интерес покупателей, уровень продаж и, соответственно, величина дохода.

С учетом этого вызывает интерес законодательство других стран, регулирующее электронную коммерцию. Так, А.П. Алексеев указывает, что в Законе

⁵ E-commerce и взаимосвязанные области (правовое регулирование) : сб. ст. / А.А. Богустов, О.Н. Горохова, Д.А. Доротенко [и др.] ; рук. авт. кол. и отв. ред. М.А. Рожкова. М. : Статут, 2019. 448 с. // СПС «КонсультантПлюс».

КНР 2019 г. закреплено, что оператор платформы электронной коммерции должен создать систему оценки лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность при помощи платформы, опубликовать правила оценки таких лиц и предоставить потребителям возможность комментировать проданные товары или услуги, предоставляемые через платформу. Оператор платформы электронной коммерции не может удалять никакие комментарии, сделанные потребителем в отношении товаров или услуг, проданных или предоставленных на ее платформе. Цель этой нормы состоит в том, чтобы платформа не могла удалять плохие отзывы по своему усмотрению, и тем самым она защищает право потребителей знать и выбирать»⁶.

Очевидно, что положительные отзывы могут негативно сказаться на деловой репутации клиентов компании, если эта компания имеет или приобретает негативную репутацию. Использование в продукции комплектующих ненадежного поставщика, поставляющего контрафактную продукцию или имеющую высокую степень брака, может испортить репутацию любого известного производителя продукции. К примеру, не случайно создан реестр недобросовестных поставщиков (подрядчиков, исполнителей), для того чтобы все знали, что лицо уклонилось от заключения контракта либо контракт с таким лицом расторгнут в связи с существенным нарушением им условий контрактов⁷.

Негативная репутация одного хозяйствующего субъекта транслируется, отрицательно влияет на репутацию другого одного хозяйствующего субъекта.

В соответствии с п. 1 ст. 152 ГК РФ гражданин вправе требовать по суду опровержения порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию сведений, если распространивший такие сведения не докажет, что они соответствуют действительности.

⁶ Алексеев А.П. Регулирование деятельности электронных платформ по Закону КНР «Об электронной коммерции» // Юрист. 2020. № 7. С. 62–68 // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Статья 104 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2020).

В рассматриваемом случае речь идет о субъективном мнении, оценке, которые не могут оцениваться через призму порочности. Это мнение основано на неких фактах и опыте, который приобрело лицо в результате взаимодействия с другим лицом. С учетом этого нельзя требовать удаления положительной информации, поскольку нет всех необходимых компонентов для удовлетворения диффамационного иска, ст. 152 ГК РФ неприменима.

И даже если положительная информация предоставлена в виде утверждения о факте и не соответствует действительности, то и она может нарушать права, но при этом ст. 152 ГК РФ также неприменима. Если, например, опубликовать сведения, что некая продукция продается с огромными скидками, но это не соответствует действительности. В результате у покупателей может сложиться отрицательное мнение о компании, чувство обмана, приводящее к недоверию к компании и ее продукции, снижению объема продаж. Информация о разработке нового уникального лекарства может увеличить стоимость акций, а после того как станет известно о недостоверности информации, привести к банкротству компании. В этой ситуации применимо антиконкурентное законодательство, а не нормы о диффамации.

Во всех приведенных примерах усматривается нарушение прав различного круга лиц, а значит, это право подлежит защите.

В той ситуации, когда некая положительная информация (отзыв, мнение, рекомендация) действительно исходит от автора и автор поменял свое мнение, вполне применим подход, предложенный судом кассационной инстанции в приведенном выше постановлении, суть которого заключается в следующем.

В силу ч. 1, 3 ст. 29 Конституции РФ каждому гарантируется свобода мысли и слова. Никто не может быть принужден к выражению своих мнений и убеждений или отказу от них.

Свобода слова предполагает выражение своих мыслей по доброй воле. Она также включает гарантию против оказания давления на индивида с целью

добиться от него высказывания своего мнения⁸.

Согласно ст. 10 Конвенции о защите прав и основных свобод человека от 4 ноября 1950 г. каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает в том числе свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц⁹.

Свобода выражения мнения составляет одну из существенных основ демократического общества и одно из основных условий его развития.

Суд указал, что необходимо учитывать право каждого лица на изменение своего мнения и выражение его в не противоречащей законом форме, а также следовать запрету на принуждение лица придерживаться какого-либо мнения, если оно уже для него не соответствует действительности. Субъективно-оценочный характер мнения, в том числе критического содержания, является реализацией права на свободу мысли и слова.

Таким образом, положительная информация может быть удалена по требованию автора, если будет доказано, что ее сохранение нарушает права данного автора.

Представляется, что право требовать удаления информации возникает в случае четкой идентификации информации с ее автором. Если на сайте нет персональных

⁸ Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный) / Л.В. Андриченко, С.А. Боголюбов, Н.С. Бондарь [и др.] ; под ред. В.Д. Зорькина. 2-е изд., пересм. М. : Норма, ИНФРА-М, 2011. 1008 с. // СПС «Консультант-Плюс».

⁹ Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 13.05.2004) // СПС «КонсультантПлюс».

данных автора (физического лица), то никакая информация не может нарушать права автора.

Сложнее, если положительная информация исходит не от того лица, которое в ней упоминается, поскольку возникает конкуренция со свободой слова. Например, покупатели поверили ложному положительному отзыву и приобрели некачественный товар. Можно ли требовать удаления такой недостоверной информации или есть только право на публикацию своего отзыва? А как быть в ситуации, когда отсутствует возможность оставить свой отрицательный отзыв?

В связи с этим предполагаются следующие подходы:

— если положительная информация представлена в форме утверждения о факте, то необходимо проверить, соответствует ли она действительности. Если соответствует, то оснований для удовлетворения иска не имеется, вряд ли такая положительная и правдивая информация нарушает чьи-либо права. Если не соответствует действительности, то следует убедиться, что она нарушает права того лица, в отношении которого информация распространена.

Представляется, что это, скорее всего, есть проявление недобросовестных методов конкуренции и нарушение прав потребителя. В последнем случае также применимы положения ст. 12 Закона РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей», регулирующей ответственность изготовителя (исполнителя, продавца, владельца агрегатора) за ненадлежащую информацию о товаре (работе, услуге)¹⁰;

¹⁰ Закон РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 (ред. от 31.07.2020) «О защите прав потребителей» // Российская газета. 1996. 16 января.

Литература

1. Е-commerce и взаимосвязанные области (правовое регулирование) : сборник статей / А.А. Богустов [и др.] ; руководитель авторского коллектива и ответственный редактор М.А. Рожкова. Москва : Статут, 2019. 448 с.
2. Алексеенко А.П. Регулирование деятельности электронных платформ по Закону КНР «Об электронной коммерции» / А.П. Алексеенко // Юрист. 2020. № 7. С. 62–68.
3. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный) / Л.В. Андриченко [и др.] ; под редакцией В.Д. Зорькина. 2-е изд., пересм. Москва : Норма, ИНФРА-М, 2011. 1008 с.
4. Шипилова В. Судебная практика потекла по новому руслу / В. Шипилова // Коммерсантъ (Уфа). 2020. 3 ноября.

— если положительная информация представлена в форме субъективного мнения, то требовать ее удаления вправе только автор, причем также должен обосновать, что его мнение изменилось и его права сохранением «устаревшей» информации нарушаются;

— если отрицательная информация представлена в форме субъективного мнения, то требовать ее удаления вправе только автор, причем также должен обосновать, что его мнение изменилось;

— предварительное, до обращения в суд, обращение к владельцу сайта с требованием удаления или изменения положительной информации не требуется. Однако отказ в удалении или изменении информации может свидетельствовать о злоупотреблении правом со стороны владельца сайта;

— то обстоятельство, что положительная информация, опубликованная на одном сайте, размещена (перепечатана) на другом, правового значения не имеет;

— возможность самостоятельного удаления положительной информации, ее изменения или публикации на том же сайте новой отрицательной информации может являться основанием для отказа в иске, поскольку злоупотребление правом будет на стороне истца. Вместо того чтобы принять меры по удалению (изменению) своего отзыва, лицо обращается в суд.

Настоящее исследование показало, что в определенных случаях положительная информация, размещенная в сети Интернет, может нарушать права участников гражданских правоотношений и данные лица вправе требовать ее удаления.

DOI: 10.18572/1812-3791-2020-12-9-14

О судьбе уголовно-процессуального ареста в конкурсном производстве

Шевченко Илья Михайлович,

председатель судебного состава Арбитражного суда города Санкт-Петербурга
и Ленинградской области,
кандидат юридических наук
i.shevchenko@mail.ru

Автор утверждает, что вопрос о судьбе уголовно-процессуального ареста при введении в отношении должника конкурсного производства упирается в фундаментальную проблему соотношения государства как суверена и государства как собственника. При этом в первом качестве публично-правовое образование не может создавать преимуществ для себя, действующего во втором качестве.

Ключевые слова: арест в уголовном процессе, конкурсное производство, залог в силу ареста.

On the Future of a Criminal Procedure Arrest in Bankruptcy Proceedings

Shevchenko Ilya M.

Presiding Judge of the Commercial Court of Saint Petersburg and the Leningrad Region
PhD (Law)

The author asserts that the question on the fate of a criminal procedure arrest after a winding up procedure is introduced against the debtor depends on the solvation of a fundamental problem of how does a state as a sovereign relate with the state as a proprietor. The state acting in the first essence cannot create preferences for itself acting in the second essence.

Keywords: arrest in criminal proceedings, winding up procedure, pledge emerging from an arrest.

В силу абз. 9 п. 1 ст. 126 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — Закон о банкротстве)¹ введение в отношении должника процедуры конкурсного производства влечет снятие арестов, ранее наложенных на имущество должника, и запрет на наложение новых арестов.

И если снятие арестов, направленных на обеспечение гражданских по своей природе прав, не вызывает сомнения, то аресты, наложенные в порядке ст. 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ)², стоят особняком.

Вопрос о судьбе данного ареста рассматривался Конституционным Судом Российской Федерации (далее — КС РФ) в постановлении от 31 января 2011 г. № 1-П³.

До рассмотрения КС РФ дошло дело, в рамках которого генеральный директор ООО «Соломатинское хлебоприемное предприятие» обвинялся в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 160 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) «Присвоение или растрата»⁴.

По версии следствия, обвиняемый совершил хищение у различных юридических лиц зерновой продукции, хранившейся на предприятии.

Решением арбитражного суда ООО «Соломатинское хлебоприемное предприятие» признано банкротом; в отношении него открыто конкурсное производство.

делу о проверке конституционности положений частей первой, третьей и девятой статьи 115, пункта 2 части первой статьи 208 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и абзаца девятого пункта 1 статьи 126 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобами закрытого акционерного общества «Недвижимость-М», общества с ограниченной ответственностью «Соломатинское хлебоприемное предприятие» и гражданки Л.И. Костаревой // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Уголовный кодекс Российской Федерации // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

¹ Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации // СЗ РФ. 2001. № 52 (часть I). Ст. 4921.

³ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31 января 2011 г. № 1-П по

Одновременно постановлением суда общей юрисдикции удовлетворено ходатайство следователя о наложении ареста на имущество предприятия для обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска.

ООО «Соломатинское хлебоприемное предприятие» оспорило конституционность ч. 3 ст. 115 УПК РФ, в части, предусматривающей наложение ареста на имущество иных лиц, чем подозреваемый и обвиняемый, и абз. 9 п. 1 ст. 126 Закона о банкротстве.

Заявитель полагал неконституционными положения этих статей, поскольку практика их применения свидетельствовала о сохранении уголовно-процессуального ареста и после возбуждения в отношении организации-должника процедуры конкурсного производства, а это, по его мнению, противоречило ч. 1 ст. 19 Конституции Российской Федерации.

КС РФ признал эти положения соответствующими Конституции Российской Федерации, но дал им следующее истолкование: в порядке абз. 9 п. 1 ст. 126 Закона о банкротстве прекращаются аресты, наложенные с целью обеспечения реализации прав гражданского истца по уголовному делу, а все прочие аресты, наложенные в публично-правовых целях, сохраняются.

Такие публично-правовые цели, указанные в ч. 1 ст. 115 УПК РФ, следующие:

- 1) обеспечение взыскания штрафа;
- 2) конфискация имущества, указанного в ч. 1 ст. 104.1 УК РФ.

Логика рассуждений, приведенная в постановлении КС РФ от 31 января 2011 г. № 1-П, напоминает нам следующую фундаментальную проблему гражданского права.

Со времен Древнего Рима принято различать государство как суверена (*imperium*) и государство как собственника (*dominium*)⁵. При этом базовым является постулат о том, что государство как суверен не может создавать себе каких-либо преимуществ как для собственника. Этот тезис нашел отражение в наиболее

⁵ Санфилиппо Ч. Курс римского частного права : учебник. М., 2012. С. 47, 49.

известных университетских курсах по гражданскому праву⁶.

Однако этот очевидный базовый тезис нуждается в активной борьбе за него со стороны гражданского общества. Такая активность должна реализовываться через судебный контроль за деятельностью органов публичной власти.

Но в какой конкретно процессуальной форме должен разрешаться конфликт между интересами частных лиц и интересом публично-правового образования? Должен ли он разрешаться в рамках дела о банкротстве или в рамках производства по уголовному делу? Мы придерживаемся второго варианта ответа и вот почему.

Дело о банкротстве, как нам представляется, изначально предназначено для выстраивания отношений между равными субъектами. Безусловно, в делах о банкротстве имеется некоторое неравенство кредиторов, например, в части установления привилегированных очередей требований кредиторов (п. 4 ст. 134 Закона о банкротстве).

Однако в остальном Закон о банкротстве пронизан идеей равенства. Так, требования кредиторов одной очереди погашаются пропорционально суммам их требований, включенных в реестр требований кредиторов (п. 3 ст. 142 Закона о банкротстве). Все кредиторы независимо от очередности вправе участвовать в собрании кредиторов (п. 1 ст. 12 Закона о банкротстве) и обладают в нем количеством голосов, пропорциональным соотношению объема их требований к суммарному объему требований кредиторов (п. 3 ст. 12 Закона о банкротстве).

Не случайно в п. 1 ст. 1 Закона о банкротстве подчеркнуто, что он принят в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации.

С требованиями публично-правового образования происходит достаточно интересная метаморфоза. Возникая из-

⁶ Гражданское право : учеб. : в 3 т. Т. 1 / под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. 6-е изд., перераб. и доп. М., 2007. С. 216–218; Гражданское право : учеб. : в 3 т. Т. 1 / под ред. А.П. Сергеева. М., 2008. С. 350; Гражданское право : учеб. для студентов вузов, обучающихся по направлению 521400 «Юриспруденция» : в 4 т. Т. 1: Общая часть / отв. ред. Е.А. Суханов. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2006. С. 374.

начально как публично-правовые, они приравниваются к требованиям кредиторов, возникшим из частно-правовых отношений.

Важно отметить, что, несмотря на всю важность решения государственных задач, большинство стран мира добровольно отказались от приоритетного удовлетворения своих требований в делах о банкротстве. Парадокс, но государствам это выгодно.

Если публично-правовое образование не получает никаких преимуществ, это значит, что больше денег достается другим кредиторам, средства остаются в экономике, и это, в свою очередь, приводит к увеличению налогооблагаемой базы. В результате государство только выигрывает.

К подобным подходам пришли, в частности, правопорядки Германии⁷, Франции⁸ и Великобритании⁹. В США некоторый приоритет требованиям публично-правового образования предоставляется, но он ограничен задолженностью за определенный период времени¹⁰.

Российское право в целом придерживается такого же подхода. Требования публично-правового образования относятся к текущим платежам пятой очереди и реестровым требованиям третьей очереди (п. 2 и 4 ст. 134 Закона о банкротстве).

Исключения составляют лишь требования о выплате удержанных с работников, но не перечисленных в бюджет налогов на доходы физических лиц и взносов на обязательное пенсионное страхование (п. 8 и 14 Обзора судебной практики по вопросам, связанным с участием уполномоченных органов в делах о банкротстве и применяемых в этих делах процедурах банкротства, утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации, далее — ВС РФ, от 20 декабря 2016 г.).

Тем не менее публично-правовое образование все же стремится сохранить

для себя некоторые специальные условия в процедурах банкротства. Наглядный пример тому — абз. 4 п. 1 ст. 156 Закона о банкротстве, в силу которого условия мирового соглашения, касающиеся погашения задолженности по обязательным платежам, взимаемым в соответствии с законодательством о налогах и сборах, не должны противоречить требованиям законодательства о налогах и сборах.

Однако это не отменяет общего вывода: процедура банкротства предусматривает распределение имущества (или выручки от продажи имущества) должника между равными субъектами и не предполагает рассмотрения вопроса о том, каковы пределы власти государства как суверена.

Мы склонны считать, что подобный вопрос должен ставиться в рамках уголовного процесса. Последний предназначен прежде всего для решения задач публичного права: выяснить, имело ли место преступление, совершил ли его подсудимый, виновен ли он в этом преступлении и т.д. (ст. 299 УПК РФ). В отношении виновных лиц достигаются цели общей и частной превенции, восстановления социальной справедливости (ст. 43 Уголовного кодекса Российской Федерации). В отношении невиновных лиц решается вопрос об их праве на реабилитацию в порядке гл. 18 УПК РФ. Круг этих задач можно продолжать.

Однако уголовный процесс не исключает и решение вопросов гражданско-правового характера. Так, ст. 44 и 54 УПК РФ предусмотрена возможность предъявления в уголовном деле гражданского иска, и суд, вынося приговор по делу, обязан решить вопрос о его обоснованности (п. 10 ч. 1 ст. 299 УПК РФ).

Таким образом, коль скоро уголовный процесс включает в себя решение вопросов как публично-правового, так и частно-правового характера, именно в нем мы считаем целесообразным выяснять, насколько правомерно наложен арест на имущество должника; не предоставляет ли государство при наложении ареста в порядке ст. 115 УПК РФ необоснованные преференции себе как собственнику или иному субъекту частного права.

⁷ Ranking and Priority of Creditors / ed. by D. Faber, N. Vermont, J. Kilborn, T. Richter, I. Tirado. Oxford, 2016. С. 293, 294.

⁸ Там же. С. 259, 260, 261.

⁹ Там же. С. 229.

¹⁰ Там же. С. 583.

Важно подчеркнуть, что в силу ч. 1 ст. 123 УПК РФ жалобы на действия (бездействие) органов предварительного расследования и суда могут быть поданы не только участниками уголовного судопроизводства, но и иными лицами, к числу которых, как мы считаем, относятся кредиторы по делу о банкротстве.

С нашей точки зрения, правильное решение вопроса о том, до каких пределов государство реализует свои права как суверена, а где оно вправе действовать лишь как собственник, зависит не от процессуального порядка рассмотрения данного вопроса, а от активности сообщества кредиторов.

В связи с этим мы полностью согласны с позицией КС РФ, отраженной в определении от 15 мая 2012 г. № 813-О, согласно которой отмена арестов, наложенных в порядке ст. 115 УПК РФ, является прерогативой органа, осуществляющего расследование уголовного дела, поскольку именно он уполномочен устанавливать и давать оценку обстоятельствам этого дела¹¹.

Абзац 9 п. 1 ст. 126 Закона о банкротстве не предполагает автоматического снятия арестов в отношении имущества должника, принятых ранее. Буквальный текст данного абзаца свидетельствует о том, что решение о признании банкротом лишь является основанием для отмены арестов.

Решение суда, рассматривающего дело о банкротстве, должно быть принято во внимание и реализовано другими правоприменительными органами. В связи с этим целесообразно, чтобы эти органы своими актами отражали такое принятие вынесением собственных актов, например Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии аннулировала запись в

Едином государственном реестре недвижимости об аресте имущества.

Далее рассмотрим вопрос, который также проливает свет на значение уголовно-процессуального ареста в деле о банкротстве.

Представим, что объект, подвергнутый аресту в порядке ст. 115 УПК РФ, также являлся предметом залога.

Может ли в такой ситуации требование кредитора быть установлено как обеспеченное залогом имущества должника?

Для ответа на поставленный вопрос нам необходимо определиться с тем, что устанавливает суд при рассмотрении требования в части его обеспеченности залогом:

- 1) наличие фактической возможности залогового кредитора обратиться взыскание на предмет залога (посредством действий арбитражного управляющего);
- 2) наличие у залогового кредитора права залога как титула.

Основанием для первой позиции является абз. 2 п. 1 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации (далее — ВАС РФ) от 23 июля 2009 г. № 58 «О некоторых вопросах, связанных с удовлетворением требований залогодержателя при банкротстве залогодателя», который обязывает суд при установлении требования кредитора как обеспеченного залогом должника устанавливать наличие предмета залога у должника в натуре.

Противоположная позиция может быть основана на определении ВС РФ от 20 ноября 2017 г. № 305-ЭС17-9931. В нем Судебная коллегия по экономическим спорам указала, что в случае предоставления заявителем достаточно серьезных первичных доказательств и приведения убедительных аргументов, указывающих на возникновение залогового права, бремя доказывания условий для отказа в удовлетворении заявленных им требований (возражение о ничтожности договора залога, уничтожении заложенного имущества, приобретении залогового имущества третьим лицом по добросовестности и т.д.) переходит на его процессуальных оппонентов.

То есть фактически ВС РФ применил в данном деле правило «доказательствен-

¹¹ Определение КС РФ от 15 мая 2012 г. № 813-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Садыкова Ильгизара Яхиевича на нарушение его конституционных прав положениями абзаца девятого пункта 1 статьи 126 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», абзаца шестого пункта 1 статьи 16, пункта 3 статьи 28 Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним», частей третьей и девятой статьи 115 и пункта 2 части первой статьи 208 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

ного пинг-понга», выработанное в так называемом деле «Кировского завода» (постановление Президиума ВАС РФ от 6 марта 2012 г. № 12505/11).

Погружаясь далее в исследование поставленной проблемы, мы не можем не отметить того, что залоговый кредитор, заявляющий о наличии у него подобного статуса в ситуации, когда предмет залога отсутствует в натуре, «стреляет в ногу» самому себе.

В случае включения его требования в реестр как обеспеченного залогом имущества должника он лишает себя возможности голосовать в собрании кредиторов в процедуре конкурсного производства, а также в процедурах финансового оздоровления и внешнего управления (если не откажется от реализации предмета залога или в такой реализации будет отказано судом). Этот кредитор ставит под сомнение собственную возможность получить удовлетворение своего требования за счет залогового имущества.

Последняя проблема в некоторой степени нивелирована позицией, отраженной в определении ВС РФ от 11 июля 2019 г. № 310-ЭС18-17700. В нем подчеркнуто, что при очевидной недостаточности потенциальной выручки от продажи предмета залога для погашения требования залогового кредитора конкурсный управляющий обязан зарезервировать соответствующую сумму (которая предположительно потребует для погашения неудовлетворенной части требования залогового кредитора) из средств, вырученных от продажи залогового имущества.

Однако и при таком подходе положение залогового кредитора остается зыбким, поскольку сумма, которую удастся выручить от продажи предмета залога (в случае его обнаружения), заранее не известна, и поэтому до конца непонятно, какую часть выручки от продажи незалогового имущества обязан зарезервировать управляющий.

С этой точки зрения мы полагаем, что не нужно проявлять излишний патернализм по отношению к залоговому кредитору и препятствовать ему делать хуже самому себе.

Важно также отметить, что у незалоговых кредиторов появляется право-

мерный интерес (ч. 1 ст. 4 АПК РФ) в оспаривании наличия права залога лишь тогда, когда предмет залога имеется в натуре¹². У кредиторов не может быть интереса в доказывании того, что предмет залога у должника отсутствует.

Возвращаясь к поставленному нами вопросу (что устанавливает суд при рассмотрении вопроса об обеспеченности требования залогом), отметим, что в зависимости от ответа на него мы по-разному решим и вопрос о моменте, когда у залогового кредитора появляется право на заявление своего требования в деле о банкротстве при изначальном отсутствии предмета залога:

1) если суд устанавливает фактическое наличие предмета залога у должника, то право на заявление требования появляется лишь с возвращением предмета во владение должника; в таком случае срок, предусмотренный п. 1 ст. 142 Закона о банкротстве, должен исчисляться с момента возвращения вещи должнику;

2) если суд устанавливает лишь наличие самого права залога, то и при отсутствии вещи может быть установлен залоговый статус, однако вопросы, связанные с продажей имущества, решаются уже после отыскания вещи; залоговый статус устанавливается как будущее право.

Аналогичные выводы мы можем сделать и в ситуации, когда на предмет залога наложен уголовно-процессуальный арест. Если суд устанавливает наличие предмета залога у должника, то наложение уголовно-процессуального ареста означает невозможность обращения на него взыскания в текущий момент. В таком случае требование кредитора может быть включено в реестр как обеспеченное залогом лишь при условии, что цели, указанные в ч. 1 ст. 115 УПК РФ, не будут достигнуты: например, будет вынесен оправдательный приговор.

Если придерживаться второго подхода, то получится, что нахождение вещи под уголовно-процессуальным арестом не препятствует установлению залогового статуса требования; фактическая

¹² Шварц М.З. К вопросу о феномене противоположности судебных актов (на примере решений об обращении взыскания на предмет залога) // Арбитражные споры. 2014. № 4. С. 57–62.

реализация права залога произойдет лишь в случае освобождения имущества от подобного ареста.

Продолжая развивать нашу мысль о самостоятельном статусе уголовно-процессуального ареста, мы хотели бы подчеркнуть, что к такому аресту не может быть применена конструкция, предусмотренная п. 2 ст. 174.1 и п. 5 ст. 334 ГК РФ. Она предусматривает, что отчуждение имущества вопреки запрету, наложенному в судебном порядке, не влечет недействительности соответствующей сделки, но приводит к возникновению у взыскателя права залога в отношении неправомерно отчужденной вещи (залог в силу ареста).

Залог, предусмотренный п. 5 ст. 334 ГК РФ, направлен на удовлетворение сугубо частного интереса, предоставляя взыскателю право на получение стоимости вещи. Публично-правовое образование, налагая арест на имущество ответчика по гражданскому иску, хотя и применяет свои властные полномочия, но все же содействует в реализации частного интереса, выступая своеобразным законным представителем взыскателя.

При наложении ареста в порядке ст. 115 УПК РФ государство преследует публично-правовые цели, и имущественная ценность предмета, на который налагается арест, ему при этом безразлична.

В связи с этим мы не можем согласиться с А.В. Егоровым, утверждавшим,

что ст. 115 УПК РФ регулирует арест в обеспечение погашений обязательств собственника арестованного имущества и поэтому его правовая природа тождественна аресту, наложенному в интересах субъекта частного права¹³.

Такая позиция в принципе отрицает существование публично-правовых целей, преследуемых государством в уголовном процессе, и фактически «приватизирует» публичное право, а это представляется нам недопустимым.

Ввиду этого мы полагаем, что отчуждение вещи вопреки аресту, наложенному в порядке ст. 115 УПК РФ с публично-правовой целью, влечет ничтожность соответствующей сделки (п. 1 ст. 174.1 ГК РФ), а не возникновение права залога у управомоченного лица (п. 2 ст. 174.1 в совокупности с п. 5 ст. 334 ГК РФ).

Подводя итог, мы хотели бы подчеркнуть, что вопрос о судьбе уголовно-процессуального ареста в конкурсном производстве упирается в проблему соотношения государства как собственника и государства как суверена. Баланс между этими двумя ипостасями публично-правового образования зависит от конкретных исторических реалий, от соотношения частных и публичных интересов в конкретный момент развития общества.

¹³ Егоров А.В. Имущественные аресты в уголовном деле: правовая природа и регулирование // Журнал РШЧП. 2020. № 2. С. 228.

Литература

1. Гражданское право : учебник. В 3 томах. Т. 1 / под редакцией А.П. Сергеева. Москва : ТК Велби, 2008. 1008 с.
2. Гражданское право : учебник для студентов вузов. В 3 томах. Т. 1 / под редакцией А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. 6-е изд., перераб. и доп. Москва : ТК Велби, 2007. 784 с.
3. Гражданское право : учебник для студентов вузов. В 4 томах. Т. 1. Общая часть / ответственный редактор Е.А. Суханов. 3-е изд., перераб. и доп. Москва : Волтерс Клувер, 2006. 720 с.
4. Санфилиппо Ч. Курс римского частного права : учебник / Ч. Санфилиппо. Москва : Норма, 2012. 464 с.
5. Шварц М.З. К вопросу о феномене противопоставимости судебных актов (на примере решений об обращении взыскания на предмет залога) / М.З. Шварц // Арбитражные споры. 2014. № 4. С. 53–62.
6. Ranking and Priority of Creditors / ed. by D. Faber, N. Vermunt, J. Kilborn, T. Richter, I. Tirado. Oxford : Oxford University Press, 2016. 618 p.

Дефекты толкования норм арбитражного процессуального права в современной судебной практике

Потапенко Евгений Георгиевич,

доцент кафедры гражданского права и процесса
Саратовского национального исследовательского
государственного университета имени Н.Г. Чернышевского,
доцент кафедры арбитражного процесса
Саратовской государственной юридической академии,
кандидат юридических наук
egpotapenko@rambler.ru

В статье приводятся распространенные в современной юридической практике примеры дефектов толкования норм арбитражного процессуального права. Отмечается, что тенденция к упрощению цивилистического процесса, очевидно проявляющаяся в правотворчестве, также свойственна и правоинтерпретационной деятельности. В результате того что при толковании не учитываются системные связи процессуальных норм, на практике формулируются правоположения, которые существенно влияют на арбитражную процессуальную форму — систему базовых процессуальных гарантий. Автор критикует подход к упрощению цивилистического процесса посредством деятельности по толкованию процессуальных норм. В статье высказывается позиция об установлении пределов толкования, которое должно ограничиваться системой принципов и процессуальных гарантий.

Ключевые слова: гражданский процесс, арбитражный процесс, специализированные нормы, толкование, надлежащее извещение, бесспорные факты.

Defects in the Interpretation of Provisions of the Law of Arbitral Procedure in the Modern Judicial Practice

Potapenko Evgeniy G.

Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure of the Saratov State University
Associate Professor of the Department of Commercial Procedure of the Saratov State Law Academy
PhD (Law)

The article gives examples of flaws in the interpretation of the rules of arbitration procedural law which are common in modern legal practice. It is noted that the tendency to simplification of the civil process, which is evidently manifested in lawmaking, is also characteristic of legal interpretation activities. The interpretation does not take into account the systemic connections of procedural norms. It leads to the fact that in practice legal provisions are formulated, they significantly affect the arbitration procedural form — the system of basic procedural guarantees. The author criticizes the approach to the simplification of the civil process through the interpreting of procedural norms. The article expresses a position on the establishment of boundaries of interpretation which should be limited by a system of principles and procedural guarantees.

Keywords: civil procedure, arbitration process, specialized norms, interpretation, proper notification, indisputable facts.

Под толкованием правовых норм в теории права традиционно понимается уяснение и разъяснение смысла, содержания нормы права. При толковании-уяснении норма права толкуется субъектом для себя. При толковании-разъяснении не только осуществляется мыслительный процесс, но и совершается реальное юридическое действие,

находящее внешнее выражение в специальных актах, которые называются актами толкования, т.е. оно имеет документальное оформление. Это толкование не только для себя, но и для других¹. В результате правоинтерпретационной

¹ См.: Теория государства и права : учебник / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М., 2004. С. 168.

деятельности создаются процессуальные правовоположения, которые, как правило, развивают содержание процессуальных норм, раскрывают их смысл в целом (официальное абстрактное толкование высшими судами) либо применительно к конкретной ситуации (казуальное толкование в рамках правоприменения). Вместе с тем толкование является творческой деятельностью, результаты которой могут полностью не совпадать с объектом толкования — процессуальной нормой. Так, в доктрине обосновывается распространительное и ограничительное толкование, в результате которого правовоположение не совпадает по объему с толкуемой процессуальной нормой. Отстаивая допустимость и полезность распространительного и ограничительного толкования, М.А. Гурвич писал, что даже при самом категорическом отрицании судебного правотворчества «невозможно отрицать, что сама жизнь вносит в габариты закона в течение времени новые явления, которые вполне укладываются в содержание нормы и охватываются ее смыслом, хотя и не нашли в ней и не могли найти в схематически абстрактных указаниях при издании закона конкретного выражения»². Необходимость подобного толкования в современных условиях многообразия и вариативности процессуальных отношений вряд ли можно оспаривать. Однако творческий характер правоинтерпретационной деятельности, важность правовоположений, образуемых в рамках такой деятельности, и их самостоятельное значение в механизме процессуально-правового регулирования предопределяют необходимость достаточно высокого стандарта осуществления такой деятельности. При толковании норм процессуального права следует особое внимание уделять выявлению взаимосвязей, объективно существующих в

² Гурвич М.А. Судебное решение. Теоретические проблемы. М., 1976. С. 98–99.

рамках отраслевой процессуальной системы.

На современном этапе развития цивилистического процесса наблюдается тенденция к его упрощению не только в правотворческой деятельности, непосредственно влияющей на содержание процессуального права³, но и в деятельности по толкованию процессуальных норм. В результате формализма, допускаемого в правоинтерпретационной деятельности, образуются дефектные процессуальные правовоположения, существенно влияющие на систему базовых процессуальных гарантий — арбитражную процессуальную форму⁴. Подобная ситуация недопустима. Несмотря на относительную самостоятельность правотолковательной деятельности, важность ее результатов в практической деятельности, толкование не должно приводить к существенному изменению арбитражной процессуальной формы. Толкование осуществляется в развитие принципов арбитражного процессуального права и в этом смысле должно исправлять текстуальные недостатки действующего процессуального законодательства, расширять, но не урезать процессуальные гарантии сторон и иных участников процесса. Приведем отдельные и наиболее, на наш взгляд, очевидные дефекты толкования арбитражных процессуальных норм, которые не только не учитывают системные связи, но и не затрагивают основные процессуальные гарантии.

Первый из таких примеров связан с институтом судебного извещения и фикцией надлежащего извещения, которая выражена в ст. 123 Арбитраж-

³ См.: Громошина Н.А. Упрощение цивилистического процесса как проявление тенденции его унификации // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 9. С. 3–6.

⁴ См. о понятии процессуальной формы: Туманов Д.А. Еще раз о том, является ли судебный приказ актом правосудия, или Размышления о сущности правосудия // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 9. С. 13–19.

ного процессуального кодекса РФ (АПК РФ)⁵. Напомним, что данная статья в результате редакции 2010 г. претерпела значительные изменения, целью которых было возложение на участвующих в деле лиц обязанности самостоятельно предпринимать действия по получению сведений о ходе процесса с их участием (ч. 6 ст. 121 АПК РФ). Арбитражный суд при этом должен обеспечить, во-первых, первоначальное извещение лица, участвующего в деле, о начавшемся процессе с его участием, во-вторых, обеспечить возможность получения данным лицом информации о ходе процесса любым доступным способом (в сети Интернет, по телефону и т.д.). В результате указанных нововведений ст. 123 АПК РФ получила две самостоятельные нормы. Согласно ч. 1 ст. 123 АПК РФ лица, участвующие в деле, и иные участники арбитражного процесса считаются извещенными надлежащим образом, если к началу судебного заседания, совершения отдельного процессуального действия арбитражный суд располагает сведениями о получении адресатом копии определения о принятии искового заявления или заявления к производству и возбуждении производства по делу, направленной ему в порядке, предусмотренном АПК РФ, или иными доказательствами получения лицами, участвующими в деле, информации о начавшемся судебном процессе. В соответствии с ч. 4 ст. 123 АПК РФ лица считаются извещенными надлежащим образом арбитражным судом в указанных в данной части случаях (в том числе когда адресат фактически не получил извещение). Как в части 1, так и в ч. 2 ст. 123 АПК РФ используется юридическая фикция, то есть предположение о наличии определенного факта вопреки действительности. При фак-

тическом невручении извещения лицо считается извещенным надлежащим образом. При получении первоначальной информации лицо считается извещенным в последующем, хотя фактически может данной информацией не владеть. При первоначальном анализе вышеуказанных норм складывается впечатление, что надлежащее извещение формируется за счет «наслоения» данных норм. Но при правильном подходе к толкованию ст. 123 АПК РФ наслоения юридических фикций происходить не должно. Иначе участвующее в деле лицо лишается процессуальных гарантий участия в процессе. Нормы части 1 и ч. 4 ст. 123 АПК РФ не соотносятся друг с другом как общая и специальная, но регулируют различные процессуально-правовые ситуации. В части 1 ст. 123 АПК РФ речь идет об одной ситуации, которая связана с течением процесса, необходимостью более активного участия в нем заинтересованных лиц. При этом суд должен точно знать, что участвующее в деле лицо фактически получило копию определения и (или) располагает сведениями о начавшемся процессе. Такие лица в последующем несут обязанность по самостоятельному получению информации о ходе процесса (ч. 6 ст. 121 АПК РФ) и, соответственно, считаются извещенными на будущее.

В части 4 ст. 123 АПК РФ содержится специальная норма к норме ч. 2, 3 данной статьи, которая представляет собой исключение из общего правила о получении участвующим в деле лицом информации о процессе. Данные нормы в совокупности регулируют вопрос о способе извещения.

Таким образом, системное толкование указанных норм не должно допускать их пересечения и наложения процессуальных фикций. Очевидно, что лицо может быть извещенным на будущее только в том случае, если информацией о начавшемся процессе он

⁵ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 02.12.2019) // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012; 2019. № 59 (часть V). Ст. 6965.

фактически располагает. Если же он извещен с позиции ч. 4 ст. 123 АПК РФ, то должен считаться извещенным лишь в отношении совершения отдельного процессуального действия, но не в отношении всего хода процесса. Напротив, в абз. 2 п. 4 постановления Пленума ВАС РФ от 17 февраля 2011 г. № 12 «О некоторых вопросах применения Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в редакции Федерального закона от 27.07.2010 № 228-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации»»⁶ разъяснено, что при применении ч. 1 ст. 121 АПК РФ о необходимости извещения участвующих в деле лиц судам следует исходить из ч. 6 ст. 121, ч. 1 ст. 123 АПК РФ, в соответствии с которыми арбитражный суд к началу судебного заседания, совершения отдельного процессуального действия должен располагать сведениями о получении лицом, участвующим в деле, иным участником арбитражного процесса копии первого судебного акта по делу либо иными сведениями, указанными в ч. 4 ст. 123 АПК РФ. Для того чтобы окончательно снять сомнения надлежащего извещения, в п. 5 данного постановления высший суд указал, что при наличии в материалах дела уведомления о вручении лицу, участвующему в деле, либо иному участнику арбитражного процесса копии первого судебного акта по рассматриваемому делу либо сведений, указанных в ч. 4 ст. 123 АПК РФ, такое лицо считается надлежаще извещенным при рассмотрении дела судом апелляционной, кассационной, надзорной инстанций, при рассмотрении судом первой инстанции заявления по вопросу о судебных расходах, если судом, рассматривающим дело, выполняются обязанности по размещению информации о времени и месте судебных заседаний, совершении отдельных процессуальных действий

⁶ Вестник ВАС РФ. 2011. № 4.

на официальном сайте арбитражного суда в сети Интернет в соответствии с требованиями абз. 2 ч. 1 ст. 121 АПК РФ. Такое толкование является недопустимым, значительно умаляет предоставленные заинтересованному лицу гарантии участия в судебном процессе.

Еще один пример дефектного толкования без учета системных связей норм арбитражного процессуального права и с нарушением процессуальных гарантий составляет интерпретация ст. 70 АПК РФ. Согласно ч. 2 ст. 70 АПК РФ признанные сторонами в результате достигнутого между ними соглашения обстоятельства принимаются арбитражным судом в качестве фактов, не требующих дальнейшего доказывания. Специальная норма ч. 3.1 была внесена в ст. 70 АПК РФ впоследствии. Она предусматривает, что обстоятельства, на которые ссылается сторона в обоснование своих требований или возражений, считаются признанными другой стороной, если они ею прямо не оспорены или несогласие с такими обстоятельствами не вытекает из иных доказательств, обосновывающих представленные возражения относительно существования заявленных требований. При этом на практике возник ряд вопросов, связанных с освобождением от доказывания бесспорных обстоятельств. В частности, могут ли бесспорными считаться обстоятельства, указанные истцом, при неучастии ответчика в процессе? В данном случае истцу, соответственно, нужно лишь сослаться на соответствующие обстоятельства, и в силу отсутствия возражений ответчика данные обстоятельства будут считаться бесспорными и не подлежащими доказыванию. Ответ на данный вопрос при системном толковании процессуальных норм с учетом принципа состязательности очевиден. Суд не вправе применять норму ч. 3.1 ст. 70 АПК РФ при неучастии стороны в процессе. Общей нормой в данном случае является норма ч. 2

ст. 70 АПК РФ, которая предполагает участие в процессе обеих сторон. Именно в данной связке вышеуказанные нормы и должны действовать. Обязанность стороны, в том числе истца, представлять доказательства в подтверждение обстоятельств, на которые соответствующая сторона ссылается, устанавливается ч. 1 ст. 65 АПК РФ. Данная норма, являясь общей, связана с рядом специальных норм, содержащихся в той же статье. Соответственно, правило ч. 3.1 ст. 70 АПК РФ не является специальным и не может отменять, изменять или дополнять правило ч. 1 ст. 65 АПК РФ. Отсюда и следует вывод о том, что неучастие ответчика в процессе не отменяет обязанности истца в доказывании тех обстоятельств, на которые он ссылается. В противном случае истец бы попросту освобождался от доказывания при любом неучастии ответчика. Последний вывод также противоречит п. 5 ч. 2 ст. 125 и п. 3 ч. 1 ст. 126 АПК РФ, устанавливающим обязанность истца указать на соответствующие доказательства и приложить их к исковому заявлению. В судебной практике, к сожалению, весьма распространено иное толкование, при котором ч. 3.1 ст. 70 АПК РФ применяется при фактическом неучастии ответчика в судебном процессе⁷.

⁷ См., напр.: Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 6 августа 2019 г. № 10АП-12591/2019 по делу № А41-42740/2019; Постановление Десятого арбитражного апел-

И заключительный, третий, пример представляет собой симбиоз вышеизложенных дефектов, при котором, во-первых, дело рассматривается при фактическом неучастии ответчика, извещенного в соответствии с ч. 4 ст. 123 АПК РФ, но не извещенного в правильном понимании ч. 1 ст. 123 АПК РФ, и суд применяет ч. 3.1 ст. 70 АПК РФ, указывая на то, что фактически не участвующий ответчик доводов истца не оспаривает, значит, их признает.

Вышеуказанные дефекты толкования арбитражных процессуальных норм в условиях повышения роли судебной практики и общераспространенной тенденции к упрощению гражданского процесса требуют, по-видимому, переосмысления теории толкования процессуальных норм, разработки ограничительных пределов правоинтерпретационной деятельности на отраслевом уровне. В качестве таких пределов стоит, на наш взгляд, рассматривать принципы арбитражного процессуального права и процессуальные гарантии, которые не могут умаляться посредством правотолковательной деятельности.

ляционного суда от 4 июня 2019 г. № 10АП-7561/2019 по делу № А41-4173/19; Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 12 декабря 2019 г. по делу № А57-15624/2019; Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 30 мая 2019 г. № 12АП-4973/2019 по делу № А57-2360/2019; и др.

Литература

1. Громошина Н.А. Упрощение гражданского процесса как проявление тенденции его унификации / Н.А. Громошина // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 9. С. 3–6.
2. Гурвич М.А. Судебное решение. Теоретические проблемы / М.А. Гурвич. Москва : Юридическая литература, 1976. 176 с.
3. Теория государства и права : учебник / под редакцией Н.И. Матузова, А.В. Малько. Москва : Юрист, 2004. 512 с.
4. Туманов Д.А. Еще раз о том, является ли судебный приказ актом правосудия, или Размышления о сущности правосудия / Д.А. Туманов // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 9. С. 13–19.

Плюсы и минусы упрощенного производства в арбитражном процессе. Взгляд практика

Макеева Елена Борисовна,
частнопрактикующий юрист
elena.elena-makeeva@yandex.ru

В статье рассматриваются отдельные вопросы института упрощенного производства в арбитражном процессе, анализируются положительные и отрицательные аспекты его практического применения, раскрываются имеющиеся проблемы.

Ключевые слова: упрощенное производство, арбитражный процесс, судопроизводство, суд.

Advantages and Disadvantages of Summary Proceedings in an Arbitral Procedure. A Practitioner's View

Makeeva Elena B.
Private Practice Lawyer

The article considers certain issues of the institution of simplified proceedings in the arbitration process, analyzes the positive and negative aspects of its practical application, reveals the existing problems.

Keywords: simplified proceedings, arbitration process, legal proceedings, court.

Упрощенное производство — относительно новый институт в российском арбитражном процессе, впервые введенный в Арбитражный процессуальный кодекс РФ в 2002 году с целью облегчения процедуры рассмотрения судебного спора, экономии времени, трудозатрат и судебных расходов для участников процесса и суда.

За 18 лет существования упрощенное производство неоднократно подвергалось законодательной корректировке и на сегодняшний момент зарекомендовало себя как прогрессивный, жизнеспособный, своевременный, эффективно функционирующий и активно применяемый на практике инструмент рассмотрения несложных по правовому содержанию дел с незначительными по суммам требованиями.

Накрывшая мир пандемия COVID-19, заставившая органы судебной системы работать в режиме повышенной готовности и самоизоляции граждан, как лакмусовая бумажка, проявила достоинства упрощенного производства. В сложившейся экстремальной ситу-

ации дела упрощенного производства являлись одной из немногих категорий споров, рассматриваемых судами в обычном режиме.

Упрощенное производство имеет ряд неоспоримых преимуществ, одним из которых является сокращенный срок рассмотрения спора. Дела в порядке упрощенного производства рассматриваются судом в двухмесячный срок со дня поступления искового заявления в суд, который не может быть продлен, за исключением случаев участия в деле иностранных лиц, находящихся или проживающих за пределами Российской Федерации. По сравнению с общеустановленным шестимесячным сроком, который в случаях особой сложности дела и большого количества участников процесса может продлеваться, сокращенный срок представляется достаточно привлекательным для хозяйствующих субъектов, заинтересованных в скорейшем разрешении спора.

Сокращенные сроки являются одновременно главным плюсом и основным проблемным моментом упрощенного производства. Срок раскрытия

доказательств — не менее 15 дней, срок представления пояснений, возражений, обоснования позиции — не менее 30 дней, срок рассмотрения дела — 2 месяца, срок обжалования судебного постановления — 15 дней. Данные сроки, несомненно, имеют целью ускорить процесс судебного разбирательства, но в условиях повышенной нагрузки на канцелярии судов, территориальной удаленности арбитражных судов от участников процесса, имеющихся проблем в работе отделений почтовой связи очень часто возникают ситуации, когда сторона по делу получает необходимую информацию от суда слишком поздно, для того чтобы иметь объективную возможность надлежащим образом защитить свои права. Эффективное правосудие невозможно без соблюдения вышеуказанных упрощенных сроков, однако они сводятся на нет в случаях неинформирования сторон о ходе судебного производства. Несмотря на то что на практике, как правило, суд не рискует в таких случаях рассматривать дело в порядке упрощенного производства и выносит определение о рассмотрении дела по общим правилам искового производства или по правилам производства по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений, тем не менее представляется необходимым закрепить отсутствие доказательств надлежащего извещения сторон или одной из сторон о принятии искового заявления, заявления к рассмотрению в порядке упрощенного производства в ч. 5 ст. 227 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в качестве бесспорного основания для перехода в общий порядок судопроизводства.

Отличительной чертой упрощенного производства является рассмотрение дела без вызова сторон, без проведения судебных заседаний. С одной стороны, такой порядок лишает стороны и суд вербального общения, ограничивает

свободу выбора участниками процесса процессуальных средств доказывания своей позиции по делу. Вместе с тем упрощенное производство перестало бы быть упрощенным в случае рассмотрения дела с проведением судебных заседаний, в ходе которых стороны вправе заявлять разнообразные ходатайства, тем самым выходя за рамки процессуальных действий, определенных гл. 29 Арбитражного процессуального кодекса РФ. Вызов сторон и проведение судебных заседаний изменили бы наполняемость процедуры рассмотрения спора процессуальными элементами и лишили бы ее быстроты и эффективности. Упрощенный порядок рассмотрения дела изначально предполагает бесспорность требований, суд, как и при рассмотрении дела в обычном порядке, обязан полно и всесторонне изучить доказательственную базу, стороны не лишены права предоставлять свои доказательства и дополнительные документы. К тому же ч. 3 ст. 227 Арбитражного процессуального кодекса РФ предоставляет стороне, имеющей активную правовую процессуальную позицию, обратиться к суду с мотивированным ходатайством о переходе к рассмотрению дела по общим правилам искового производства. При этом переход к рассмотрению дела по общим правилам искового производства по ходатайству стороны является правом, а не обязанностью суда, поэтому, во избежание негативных последствий, сторонам необходимо обеспечить максимально качественную подготовку письменных материалов и доказательств, а также их своевременное направление в суд. Пропуск стороной судебного спора установленных судом сроков на раскрытие доказательств и обоснование позиции является основанием для возврата судом доказательств и иных документов, что, по сути, может лишить сторону возможности эффективно защитить свои права.

Основания для вынесения судом определения о рассмотрении дела по общим правилам искового или административного судопроизводства определены ч. 5 ст. 227 Арбитражного процессуального кодекса РФ. Обращает на себя внимание такое основание для перехода из упрощенного в общий порядок рассмотрения дела, как «необходимость выяснить дополнительные обстоятельства». Размытость, неопределенность такой формулировки позволяет суду на исходе двухмесячного срока достаточно легко и безнаказанно переходить к рассмотрению дела по правилам общеисковой юрисдикции, что существенно затягивает процедуру разрешения малозначительного спора. Зачастую под выяснением дополнительных обстоятельств понимается необходимость выяснить позицию стороны спора на тот или иной довод оппонента, на что суду элементарно не хватило времени.

Возможно, отчасти такое положение дел можно было бы изменить установлением в Арбитражном процессуальном кодексе РФ различных для истца и ответчика сроков раскрытия доказательств и обоснования позиции, для того чтобы сначала ответчик мог представить доказательства и доводы относительно предъявленного к нему иска, а затем уже истец мог оценить возражения ответчика. В настоящее время эти сроки для истца и ответчика едины, поэтому зачастую суд, не будучи к моменту принятия решения максимально осведомленным о позициях сторон спора, просто вынужден переходить в общий порядок судопроизводства для выяснения дополнительных обстоятельств.

Однозначным достоинством упрощенного производства можно назвать возможность ознакомления с материалами дела посредством удаленного доступа. Все документы по делу размещаются на сайте арбитражного суда с возможностью доступа к ним сторон

посредством использования секретного кода, указанного в определении о принятии искового заявления, заявления к рассмотрению в порядке упрощенного производства. Такая возможность исключает необходимость посещения суда участниками процесса для ознакомления с делом, тем самым снижая финансовые затраты, существенно сокращает период времени, необходимый для ознакомления с материалами дела, разгружает аппарат суда и, как следствие, упрощает и ускоряет процесс.

Коль уж речь зашла о судебных расходах, то нельзя не отметить, что размер государственной пошлины, уплачиваемой подателем искового заявления, подлежащего рассмотрению в упрощенном порядке, аналогичен размеру госпошлины, уплачиваемой при подаче обычного искового заявления. Поскольку при рассмотрении судом дела в порядке упрощенного производства государство несет существенно меньше затрат на отправление правосудия, нежели при рассмотрении дела в обычном порядке, представляется логичным и справедливым установление в Налоговом кодексе РФ и меньших размеров государственной пошлины, например, по аналогии с заявлениями о выдаче судебного приказа — 50% размера государственной пошлины, взимаемой при подаче искового заявления имущественного характера.

Согласно ст. 229 Арбитражного процессуального кодекса РФ решение по делу, рассматриваемому в порядке упрощенного производства, принимается судом немедленно после разбирательства дела, резолютивная часть решения размещается на официальном сайте арбитражного суда в информационно-телекоммуникационной сети Интернет не позднее следующего дня после дня ее принятия. Относительной проблемой для участника спора является отсутствие информации о конкретной дате рассмотрения судом искового заявления. Учитывая доста-

точно сокращенные сроки на подачу заявления о составлении мотивированного решения (5 дней со дня размещения резолютивной части решения на официальном сайте) и срока на обжалование судебного постановления (15 дней со дня принятия решения), участники спора вынуждены в период с даты истечения сроков, установленных судом для представления доказательств и иных документов, до даты истечения двухмесячного срока на рассмотрение дела ежедневно мониторить официальный сайт арбитражного суда для получения информации о вынесении судом решения по делу и размещении его на официальном сайте. Для соблюдения прав участников судебного разбирательства на своевременную подачу заявления о составлении мотивированного решения и срока на обжалование судебного постановления, а также для дисциплинирования суда представляется целесообразным дополнение ст. 228 Арбитражного процессуального кодекса РФ обязанностью суда по указанию в определении суда о принятии искового заявления, заявления к производству конкретной даты рассмотрения судом заявленных требований.

Согласно ч. 3 ст. 229 Арбитражного процессуального кодекса РФ решение арбитражного суда по делу, рассмотренному в порядке упрощенного производства, подлежит немедленному исполнению. Для истца, в пользу которого состоялось решение и который заинтересован в скорейшем его исполнении, данное правило, несомненно, благо. Вместе с тем для ответчика, проигравшего спор и имеющего намерение оспаривать решение суда, немедленное исполнение судебного постановления заставляет задуматься о целесообразности дальнейших попыток доказать свою правоту. Видимо, именно цель снижения вероятности обжалования судебного акта с целью затягивания его исполнения недобросовестной стороной законодатель и преследовал.

Однако немедленное исполнение решения суда до реализации сторонами права на его обжалование и вступления в законную силу предоставляет выигравшей спор стороне преимущество и противоречит принципу равноправия сторон, тем более что характер споров, рассматриваемых в порядке упрощенного производства, на наш взгляд, не требует такой однозначной оперативности. Исходя из закрепленного в ст. 41 Арбитражного процессуального кодекса РФ принципа добросовестности сторон при пользовании процессуальными правами, для восстановления процессуального баланса ч. 3 ст. 229 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации требует оговорок или введения исключений в указанную норму.

На рассмотрение апелляционной жалобы на решение суда по делу, рассмотренному в порядке упрощенного производства, законодатель предоставил суду апелляционной инстанции 2 месяца. Такой срок, на наш взгляд, является необоснованно длинным и объясняется, скорее, желанием помочь загруженному до предела аппарату суда, нежели желанием повысить эффективность рассмотрения судебного спора. Учитывая самостоятельный обмен сторонами процессуальными документами, упрощенную процедуру рассмотрения жалобы, отсутствие у суда апелляционной инстанции права принимать и рассматривать новые доказательства, представляется целесообразным сократить срок рассмотрения апелляционной жалобы до 30 дней. Даже с учетом положений ч. 3 ст. 113 Арбитражного процессуального кодекса РФ это позволит существенно сократить существующий в настоящее время двухмесячный срок рассмотрения апелляционной жалобы, что будет соответствовать потребности ускорения судебного процесса.

Одной из отличительных особенностей упрощенного производства

является принятие арбитражным судом решения по делу путем подписания его резолютивной части. Мотивированное решение изготавливается судом только в случае подачи лицом, участвующим в деле, заявления о его составлении либо в случае подачи апелляционной жалобы. Следствием такого порядка является проблема организационного характера. На составление мотивированного решения суду дается пять дней. Вместе с тем на момент поступления от лица, участвующего в деле, соответствующего заявления или подачи апелляционной жалобы судья, принявший решение по делу путем подписания резолютивной части, может находиться в отпуске, болеть либо отсутствовать на рабочем месте по иной причине. В этом случае составление мотивированного решения откладывается до момента выхода судьи на работу, что может составлять довольно длительный промежуток времени и затягивает процедуру рассмотрения дела.

Литература

1. Борисова Л.В. Электронное правосудие как форма судебной защиты в России / Л.В. Борисова // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 6. С. 105–111.
2. Бухарова И.В. Отдельные вопросы упрощенного производства в арбитражном процессе / И.В. Бухарова // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2019. № 8 (111). С. 102–104.
3. Галковская Н.Г. Результаты реформы упрощенного производства в арбитражном процессе / Н.Г. Галковская // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 382. С. 144–151.
4. Овчаренко А.В. Процессуальные особенности разрешения арбитражным судом заявлений и ходатайств при рассмотрении дела в порядке упрощенного производства / А.В. Овчаренко // Юрист. 2013. № 17. С. 37–41.
5. Осипова Л.В. Рассмотрение дел арбитражными судами в порядке упрощенного производства в редакции Федеральных законов от 02.03.2016 № 45-ФЗ и № 47-ФЗ: некоторые проблемы правового регулирования / Л.В. Осипова // Вестник арбитражной практики. 2018. № 2. С. 14–19.
6. Сивак Н.В. Упрощенное производство в арбитражном процессе : монография / Н.В. Сивак. Москва : Проспект, 2011. 87 с.

Несмотря на отдельные трудности правового и организационного характера, жесткие сроки, пропуск которых влечет за собой определенные правовые последствия, цифровизацию процесса и, как следствие, необходимость осваивать электронные сервисы, упрощенное производство, несомненно, дисциплинирует хозяйствующих субъектов, участвующих в судебном процессе, способствует повышению их правовой культуры и грамотности, процессуальной ответственности и ответственности за свои действия, как участников делового оборота.

С учетом полученного опыта арбитражное процессуальное законодательство может двигаться по пути дальнейшего развития и совершенствования института упрощенного производства, но при этом требуется более тщательная, детальная правовая и законодательная регламентация его использования.

ЦЕНТР РЕДАКЦИОННОЙ ПОДПИСКИ:

тел. (495) 617-18-88 — многоканальный
8-800-333-28-04 (по России бесплатно)
адрес электронной почты: podpiska@lawinfo.ru

Участие юридического лица в уголовном деле

Стельмах Владимир Юрьевич,
 профессор кафедры уголовного процесса
 Уральского юридического института
 Министерства внутренних дел Российской Федерации,
 кандидат юридических наук, доцент
 vstelmah@mail.ru

В статье анализируются проблемные аспекты представительства юридического лица в уголовном судопроизводстве. Представителями юридического лица могут быть все лица, перечисленные в уголовно-процессуальном законе, однако основным представителем выступает член органа управления, а остальные лица назначаются данным органом и являются дополнительными. Некоторые решения (например, заявление о возбуждении уголовного дела о преступлениях, перечисленных в главе 23 Уголовного кодекса РФ) вправе подать орган управления как таковой, а не его отдельные члены. Проводится различие между представлением юридического лица в унитарных предприятиях и акционерных обществах. Обосновывается возможность участия представителей собственника унитарного предприятия в качестве представителя потерпевшего в случаях, когда директор предприятия неудовлетворительно выполняет обязанности в уголовном судопроизводстве или подозревается в совершении преступления.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, потерпевший, юридическое лицо, представитель потерпевшего.

The Involvement of a Legal Entity in a Criminal Case

Stelmakh Vladimir Yu.
 Professor of the Department of Criminal Procedure of the Ural Law Institute
 of the Ministry of the Interior of the Russian Federation
 PhD (Law), Associate Professor

The article analyzes problematic aspects of representation of a legal entity in criminal proceedings. Representatives of a legal person may be all persons listed in the criminal procedure law, but the main representative is a member of the governing body, and the remaining persons are appointed by this body and are additional. Some decisions (for example, an application to initiate criminal proceedings on crimes listed in chapter 23 of the Criminal Code of the Russian Federation) are entitled to be submitted by the governing body as such, and not by its individual members. A distinction is made between the representation of a legal entity in unitary enterprises and joint-stock companies. The possibility of participation of representatives of the owner of a unitary enterprise as a representative of the victim is justified in cases where the director of the enterprise unsatisfactorily performs duties in criminal proceedings or is suspected of committing a crime.

Keywords: criminal proceedings, victim, a legal entity, representative of the victim.

Действующий уголовно-процессуальный закон допускает участие юридических лиц в судопроизводстве. Основной случай — когда юридическое лицо является потерпевшим. Кроме того, эпизодическое участие юридического лица, без надления его процессуальным статусом, имеет место, когда юридическое лицо вносит залог в рамках избрания соответствующей меры пресечения¹. Юридические лица не могут являться обвиняемыми и подозреваемыми. Такой

статус приобретают только отдельные граждане, которые при этом могут состоять в штате юридического лица. Что касается государственных и некоторых иных органов, участвующих в уголовном судопроизводстве (суд, прокуратура, органы предварительного расследования, экспертные учреждения), то в уголовном процессе они используют полномочия, зафиксированные в Уголовно-процессуальном кодексе РФ (УПК РФ) и присущие участникам уголовного судопроизводства.

Фактические основания признания юридического лица потерпевшим по уголовному делу — причинение

¹ См.: Казакова А.В. Коммерческое юридическое лицо как субъект уголовного процесса в Российской Федерации // Бизнес, менеджмент и право. 2018. № 1. С. 36.

непосредственно преступлением вреда имуществу или деловой репутации соответствующего юридического лица (ч. 1 ст. 42 УПК РФ). Вред должен быть причинен преступлением, то есть действиями, образующими объективную сторону состава преступления. В иных случаях юридическое лицо не может быть признано потерпевшим по уголовному делу, а причиненный его имуществу ущерб подлежит взысканию в порядке гражданского судопроизводства. Имущество, которому причиняется ущерб, как правило, принадлежит юридическому лицу на праве собственности. Соответственно, к материалам уголовного дела требуется приобщить документы, фиксирующие факт постановки имущества на баланс соответствующего юридического лица. При этом, если речь идет о государственных и муниципальных предприятиях, имущество может быть закреплено на правах владения, пользования и распоряжения (абз. 2 п. 21 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 июня 2010 г. № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве»). Данное разъяснение оптимизирует уголовно-процессуальную деятельность, поскольку привлечение органов государственной власти или местного самоуправления к участию в уголовном деле было бы весьма проблематично. Во-первых, имущество фактически находится в оперативном управлении не данных органов, а конкретного хозяйствующего субъекта, используется им в своей деятельности, и умаление этого имущества вредит не столько государственному или муниципальному образованию, сколько указанному субъекту. Во-вторых, порядок признания в качестве потерпевшего по уголовному делу представителей государства или муниципалитета намного сложнее. Эти субъекты по понятным причинам могут реализовать свои права только через представителей, поэтому вначале требуется определить конкретный орган, отвечающий за состояние принадлежащего государственному или

муниципальному образованию имущества, затем этот орган должен запросить подробную информацию о судьбе имущества у хозяйствующего субъекта, во владении, пользовании или распоряжении которого имущество находилось, и лишь на основе этой информации он может эффективно участвовать по делу. Разъяснение Пленума Верховного суда устраняет этот сложный и многоступенчатый порядок, обеспечивает участие в уголовном деле представителя того субъекта, который непосредственно использовал имущество и обладает необходимой информацией о размере причиненного ущерба. Можно согласиться с авторами, обращающими внимание на то, что разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации даются после обобщения правоприменительной практики и в силу этого имеют значительную ценность².

Размер ущерба должен быть подтвержден документально. Как правило, для этого производится ревизия, с приобщением к делу акта ревизии. Порядок проведения ревизий по уголовным делам законодательно не регламентирован. В статье 144 УПК РФ такое действие упоминается, однако детально оно не регулируется.

Очевидно, что в уголовном судопроизводстве под вредом имуществу понимается только прямой положительный ущерб, но не упущенная выгода. Во-первых, иной подход привел бы к тому, что органы уголовного преследования и суд вступали бы в область предположений. Очевидно, что невозможно механически определять размер упущенной выгоды по наилучшему варианту развития предпринимательской деятельности: то есть исходить из того, что, если бы то или иное имущество не было похищено, его использование привело бы к получению максимально возможной прибыли. Прибыльность предпринимательства зависит от многих других факторов: состояние контрагентов, конъюнктуры на

² Шибанова Е.В. Роль Верховного Суда РФ в нивелировании пробелов законодательной техники УК РФ и УПК РФ // Российская юстиция. 2014. № 10. С. 47–50.

мировых и внутренних рынках, курса валют и т.п., что невозможно учесть при расчете ущерба, причиненного преступлением. Во-вторых, включение упущенной выгоды в размер ущерба от преступления противоречит теоретическим положениям учения о преступлении, поскольку возможность причинения и тем более размер упущенной выгоды явно не охватываются умыслом виновного при совершении деяния в отношении принадлежащего юридическому лицу имущества. Таким образом, расширение размера ущерба за счет упущенной выгоды создает прямые предпосылки для объективного вменения.

Вред может быть нанесен не только имуществу, но и деловой репутации юридического лица³. Это предполагает совершение действий, формирующих негативное отношение к данному юридическому лицу среди общества или отдельных людей (например, нарушение авторских и смежных, изобретательских или патентных прав, заведомо ложная реклама, незаконное использование товарного знака, когда под брендом данного юридического лица распространяется контрафактная продукция значительно худшего качества). Очевидно, что подобные действия должны быть неотъемлемой частью объективной стороны состава преступления, а не просто «сопутствовать» другому преступному деянию.

Юридическое лицо реально может участвовать в деле исключительно через представителей — конкретных физических лиц. С одной стороны, представительство юридического лица — потерпевшего осуществляется по общим правилам представительства в уголовном судопроизводстве. С другой стороны, при этом имеется определенная специфика, вытекающая из положений гражданского законодательства. В части 1 ст. 45 УПК РФ закреплено следующее положение: представителями потерпевшего, гражданского истца и частного обвинителя могут быть адвокаты, а представителями гражданского истца,

являющегося юридическим лицом, также иные лица, правомочные в соответствии с Гражданским кодексом РФ (ГК РФ) представлять его интересы. В качестве представителя потерпевшего может быть также допущен один из его близких родственников либо иное лицо по ходатайству потерпевшего.

Данная норма в отношении представителей юридического лица нуждается в определенной интерпретации. Во-первых, поскольку юридическое лицо не может иметь законного представителя в том смысле, в каком этот термин употребляется в уголовном судопроизводстве, функции законного представителя в известной мере осуществляются лицами, представляющими интересы юридического лица в соответствии с гражданским законодательством. Очевидно, что для юридических лиц именно эти субъекты являются «основными», «изначальными» представителями, а другие названные в УПК РФ лица (в том числе адвокат) либо уполномочиваются ими выполнять функции представителей, либо выполняют эти функции совместно с названными субъектами, являясь, таким образом, дополнительными представителями. Выделение фигуры основного представителя представляет большую важность, поскольку не столько подчеркивает разницу в объеме конкретных процессуальных полномочий, сколько ориентирует как правоприменителя, так и работников юридических лиц на верную расстановку приоритетов и иерархий в определении того, кто именно представляет юридическое лицо в уголовном судопроизводстве.

Дополнительными представителями являются лица, названные в ст. 45 УПК РФ:

- иные работники юридического лица, которые, в отличие от руководителя, должны иметь доверенность на представление интересов юридического лица;
- адвокат, участвующий в качестве представителя, по общему правилу, при предъявлении ордера и служебного удостоверения;
- иные лица, которым органами юридического лица доверено выполнять функции представителей.

³ Гуляев А.П. Возмещение вреда: межотраслевой аспект и актуальные проблемы // Российская юстиция. 2012. № 5. С. 46–48.

Общее положение об органах юридического лица содержится в ч. 1 ст. 53 ГК РФ, однако следует учитывать, что в данной норме прямо говорится только о гражданских правах и обязанностях, которые юридическое лицо реализует через свои органы. Вместе с тем нет никаких оснований полагать, что в уголовном судопроизводстве юридическое лицо представляют не эти, а какие-либо иные органы. Во-первых, ГК РФ, в силу своей отраслевой принадлежности, содержит положения именно о гражданских, а не каких-либо иных правах и обязанностях. Иное просто выходило бы за сферу действия данного кодифицированного закона. Во-вторых, УПК РФ не содержит норм, в которых содержались бы какие-либо иные правила, чем в ГК РФ. Очевидно, что соответствующие аспекты уголовно-процессуальный закон в полном объеме заимствует из гражданского.

Таким образом, по общему правилу, юридическое лицо в уголовном судопроизводстве представляет орган юридического лица. В соответствии с гражданским законодательством, порядок образования органов юридического лица регламентируется прежде всего законом, а также учредительным документом (ч. 1 ст. 53 ГК РФ). При этом порядок образования органов юридического лица в значительной степени зависит от формы собственности и организационно-правовой формы. Эти факторы определяют специфику участия органов различных юридических лиц в уголовном судопроизводстве. Особенности можно рассмотреть на примере унитарных предприятий и акционерных обществ.

В соответствии со ст. 2 Федерального закона «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях», унитарным считается предприятие, не наделенное правом собственности на имущество, закрепленное за ним собственником. В форме унитарных предприятий могут быть созданы только государственные и муниципальные предприятия.

Имущество унитарного предприятия принадлежит на праве собственности Российской Федерации, субъекту Российской Федерации или муниципально-

му образованию, унитарное предприятие обладает правомочиями хозяйственного ведения или оперативного управления. Соответственно, право собственности на данное имущество имеют органы власти Российской Федерации (в том числе от имени Российской Федерации — субъекты, прямо указанные в абз. 2 ч. 1 ст. 2 Федерального закона «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях»), субъекта Российской Федерации, органы местного самоуправления. Данные органы утверждают устав унитарного предприятия и назначают его единоличного руководителя (директора, генерального директора) (ст. 9, 21 Федерального закона «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях»).

Исходя из указанных положений, в уголовном судопроизводстве основным представителем унитарного предприятия может быть либо единоличный руководитель предприятия, либо лицо, уполномоченное государственным или муниципальным органом, являющимся собственником имущества унитарного предприятия, — в случаях, когда руководителем предприятия не выполняем должным образом обязанности по представлению его интересов в уголовном судопроизводстве (не обращается с заявлением о возбуждении уголовного дела в правоприменительные органы, не организует проведение ревизии для полного установления причиненного преступлением ущерба) или когда преступление совершено руководителем предприятия.

Несколько по-иному решается вопрос об основном представителе акционерного общества. Таковым признается коммерческая организация, уставный капитал которой разделен на определенное число акций, удостоверяющих обязательственные права участников общества (акционеров) по отношению к обществу (абз. 1 ч. 1 ст. 2 Федерального закона «Об акционерных обществах»). Решение об учреждении акционерного общества принимается учредительным собранием. В акционерном обществе выделяются органы управления и исполнительные органы, формируемые органами

управления, подотчетные и подконтрольные им. Высшим органом управления акционерным обществом является общее собрание акционеров, которое избирает коллективный орган управления — совет директоров (наблюдательный совет). Исполнительные органы акционерного общества могут быть как коллегиальными (правление, дирекция), так и единоличными (директор, генеральный директор). В нормах Федерального закона «Об акционерных обществах» перечисляются вопросы, отнесенные к исключительной компетенции общего собрания акционеров, однако они не касаются уголовного судопроизводства.

Исходя из изложенного, основным представителем акционерного общества в уголовном судопроизводстве может быть: единоличный исполнительный орган; коллегиальный исполнительный орган (если он создан одновременно с единоличным); совет директоров (наблюдательный совет); общее собрание акционеров.

При этом, по смыслу закона, органы управления акционерным обществом вправе принять решение о непосредственном участии в уголовном судопроизводстве, независимо от участия исполнительных органов. В таком случае исполнительный орган не является представителем акционерного общества, уступая это место органу управления, поскольку одновременное дублирующее участие двух субъектов в одном и том же статусе противоречит смыслу закона. Касаясь вопросов участия органов управления акционерным обществом в уголовном судопроизводстве, необходимо обратить особое внимание на следующие аспекты.

Во-первых, ряд полномочий может быть реализован только органом управ-

ления как таковым, а не его отдельными членами. Например, по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 23 Уголовного кодекса РФ, которые причинили ущерб исключительно коммерческой организации, уголовное дело может быть возбуждено только по заявлению этой организации. Заявление подается руководителем, а в некоторых случаях (например, когда преступление совершил руководитель) — коллегиальным органом. При этом по действующему закону заявление по данной категории дел, поданное отдельным акционером либо кем-либо из членов совета директоров (наблюдательного совета) не может влечь возбуждения уголовного дела.

Вместе с тем по другим категориям уголовных дел, отнесенных к публичному обвинению без подобных ограничений, заявление о возбуждении уголовного дела может подаваться отдельными работниками организации, в том числе членами коллегиальных органов управления, а также акционерами, не состоящими в штате организации.

Во-вторых, все органы управления акционерным обществом являются коллегиальными и единоличными быть не могут в силу закона, что актуализирует вопрос о том, какое конкретное лицо будет представителем по уголовному делу. Представляется, что орган управления может назначить такое лицо из своего состава и оформить это решение протоколом. Выдачи доверенности члену совета директоров (наблюдательного совета) не требуется. При этом, если в качестве представителя общее собрание акционеров выдвигает обычного акционера, не входящего в состав руководящих органов общества, его полномочия должны быть оформлены доверенностью.

Литература

1. Гуляев А.П. Возмещение вреда: межотраслевой аспект и актуальные проблемы / А.П. Гуляев // Российская юстиция. 2012. № 5. С. 46–48.
2. Казакова А.В. Коммерческое юридическое лицо как субъект уголовного процесса в Российской Федерации / А.В. Казакова // Бизнес, менеджмент и право. 2018. № 1. С. 35–37.
3. Шибанова Е.В. Роль Верховного Суда РФ в нивелировании пробелов законодательной техники УК РФ и УПК РФ / Е.В. Шибанова // Российская юстиция. 2014. № 10. С. 47–50.

Процессуальное соучастие при рассмотрении гражданского иска в уголовном процессе

Бикмиев Рамиль Гаптерауефович,

доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин
Казанского филиала Российского государственного университета правосудия,
кандидат юридических наук
ram.bicmiew@yandex.ru

Бурганов Рамис Салихутдинович,

доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин
Казанского филиала Российского государственного университета правосудия,
кандидат юридических наук
ramis1ggg@mail.ru

В статье рассматриваются проблемы, возникающие при рассмотрении гражданского иска нескольких гражданских истцов и к нескольким гражданским ответчикам в уголовном процессе. Авторы на основании анализа судебной практики, в том числе вновь принятого постановления Пленума ВС РФ от 13 октября 2020 года № 23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу», анализируют наиболее распространенные вопросы, возникающие при рассмотрении и разрешении судами подобных гражданских исков в уголовном процессе.

Ключевые слова: гражданский иск в уголовном процессе, ущерб, причиненный преступлением, процессуальное соучастие, компенсация морального вреда, ответственность работодателя за работника.

Joinder in a Civil Claim Proceeding in a Criminal Procedure

Bikmiev Ramil G.

Associate Professor of the Department of Criminal and Legal Disciplines
of the Kazan Branch of the Russian State University of Justice
PhD (Law)

Burganov Ramis S.

Associate Professor of the Department of Criminal and Legal Disciplines
of the Kazan Branch of the Russian State University of Justice
PhD (Law)

The article reviews the issues arising in course of the proceeding in respect of a civil claim filed by several civil claimants against several civil defendants in the framework of a criminal procedure. Based on an analysis of the judicial practice including newly adopted Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 23 of October 13, 2020 On the Practice of a Civil Claim Proceeding in a Criminal Case, the authors analyze the most common issues arising in course of judicial proceeding and adjudication of such civil claims in a criminal procedure.

Keywords: civil claim in a criminal procedure, damage caused by a crime, joinder, compensation for moral damage, employer's liability for an employee.

13 октября 2020 года Пленумом Верховного Суда Российской Федерации принято постановление № 23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу» (далее по тексту — Постановление Пленума), в котором разъяснены многие вопросы, связанные с применением норм, регулирующих данный правовой институт. Данное Постановление Пленума дало так необходимые судам разъяснения об оставлении гражданского иска без рассмотрения, процессуальные

вопросы передачи гражданского иска для рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства, о порядке взыскания, о доказывании отдельных видов ущерба и т.д. В данной статье мы рассмотрим более узкие, детальные вопросы, которые возникают при рассмотрении гражданских исков по уголовным делам в случаях множественности лиц на стороне обвинения или на стороне защиты.

В гражданском процессуальном праве есть понятие процессуального соучастия, когда иск может быть предъявлен

в суд совместно несколькими истцами или к нескольким ответчикам (ст. 40 Гражданского процессуального кодекса РФ; далее — ГПК РФ). Фактически такие ситуации постоянно возникают и в уголовном процессе при рассмотрении гражданского иска. Порядок производства в таких ситуациях разъясняется и в Постановлении Пленума ВС РФ. Так, пункт 14 предусматривает возможность предъявить иск, содержащий самостоятельное требование о компенсации морального вреда, каждому из близких родственников, родственников и (или) близких лиц, признанных потерпевшими по уголовному делу о преступлении, последствием которого явилась смерть человека.

Пункт 25, напротив, говорит о нескольких лицах с другой стороны, а именно подсудимых, указывая, что, если имущественный вред, причиненный совместными действиями нескольких подсудимых, взыскивается солидарно, но по ходатайству потерпевшего и в его интересах, суд вправе определить долевой порядок его взыскания (ст. 1080 Гражданского кодекса РФ; далее — ГК РФ). При этом в случае удовлетворения гражданского иска, предъявленного к нескольким подсудимым, в резолютивной части приговора надлежит указать, какая сумма подлежит взысканию в солидарном порядке, а какая сумма с каждого из них — в долевом, в пользу кого из гражданских истцов осуществляется взыскание.

В пункте 31 Постановления Пленума речь идет об особенностях процессуальной множественности лиц при рассмотрении дела в апелляционной инстанции.

В тексте самого Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее — УПК РФ) нормы о гражданском иске изложены в общем виде и ситуация, когда рассматривается гражданский иск нескольких истцов или в отношении нескольких ответчиков, не упоминается.

Вместе с тем случаи участия при рассмотрении уголовных дел нескольких лиц в качестве гражданского истца или ответчика достаточно многочисленны, представляют определенную сложность для разрешения судом и, как следствие, влекут отмены судебных актов вышестоя-

щими судами. Рассмотрим некоторые из них.

1. Не привлечен собственник источника повышенной опасности.

Так, Президиум Краснодарского краевого суда отменил приговор Крымского районного суда Краснодарского края от 4 августа 2016 г. и апелляционное постановление Краснодарского краевого суда от 18 октября 2016 г. в части гражданского иска потерпевшей, уголовное дело в отношении К.В. направил в суд первой инстанции на новое рассмотрение в ином составе.

В своем постановлении указал, что «судом удовлетворено ходатайство представителя потерпевшей Ф.Т., о признании ее гражданским истцом и приобщении к материалам дела гражданского иска о взыскании с К.В. и собственника транспортного средства — К.А. солидарно материального ущерба и морального вреда, при этом согласно материалам дела признан гражданским ответчиком был только К.В. ...В нарушение ч. 1 ст. 54 УПК РФ определение о привлечении К.А. в качестве гражданского ответчика по уголовному делу суд необоснованно не вынес, гражданский иск по существу не рассмотрел, чем нарушил права потерпевшей Ф.Т. в части возмещения ей вреда, причиненного преступлением»¹.

В данном случае суды первой и апелляционной инстанций не привлекли в качестве ответчика собственника транспортного средства, который несет ответственность наряду с причинителем вреда. Такие случаи непривлечения в качестве гражданского соответчика лица, которое должно быть привлечено, в судебной практике не единичны.

2. Ответственность работодателя за работника

также является основанием для привлечения работодателя в качестве гражданского соответчика в уголовном процессе.

Это не было учтено в следующем случае. Кассационным определением Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 13 февраля 2020 г. № 77-1/2020 приговор районного суда

¹ Постановление Президиума Краснодарского краевого суда от 24 мая 2017 г. по делу № 44У-47/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

в отношении И. в части разрешения гражданских исков потерпевших ФИО2, ФИО3, ФИО4 отменен, уголовное дело в этой части передано на новое судебное рассмотрение в порядке гражданского судопроизводства в тот же суд. При этом указано, что «не признается владельцем и не несет ответственности за вред перед потерпевшим лицо, управляющее источником повышенной опасности в силу трудовых отношений с владельцем этого источника (водитель, машинист, оператор и другие). Из материалов уголовного дела следует, что И. работал водителем грузового автомобиля в ЕООД... По договору лизинга специализированный автомобиль и полуприцеп, которым управлял осужденный И., принадлежит ЕООД... И. в момент ДТП управлял автопоездом по заданию работодателя. Таким образом, суд, не установив надлежащего ответчика по делу, не выяснив правоотношений между И. и ЕООД... что имело существенное значение для правильного разрешения гражданских исков потерпевших, поскольку от этого зависит установление лица, на которое может быть возложена обязанность по возмещению вреда, причиненного в результате дорожно-транспортного происшествия, в нарушение вышеизложенных требований закона рассмотрел иски требования потерпевших в уголовном деле»².

3. Выбор порядка взыскания: солидарный или долевой.

Другая категория ошибок связана с неправильным определением порядка взыскания. Законодателем в нормативных правовых актах и Верховным Судом РФ в разъяснениях установлен ряд правил по определению такого порядка. Это зависит от того, взыскивается ли имущественный ущерб или моральный вред, а в некоторых случаях от волеизъявления гражданского истца (потерпевшего).

Так, согласно п. 24 Постановления Пленума в случае причинения морального вреда преступными действиями нескольких лиц он подлежит возмещению в долевом порядке.

В соответствии с п. 25 Постановления Пленума при определении в при-

говоре порядка взыскания судам следует иметь в виду, что имущественный вред, причиненный совместными действиями нескольких подсудимых, взыскивается с них солидарно, но по ходатайству потерпевшего и в его интересах суд вправе определить долевой порядок его взыскания (ст. 1080 ГК РФ).

Данные положения законодательства не были учтены по следующему делу. Областным судом Д., Д. и С. осуждены за ряд преступлений, совершенных организованной группой. Постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 5 февраля 2020 г. приговор в части решения о взыскании в солидарном порядке в пользу потерпевшей З. 1 500 000 руб. в счет компенсации морального вреда отменен, а дело передано в этой части на новое судебное рассмотрение в тот же суд. При этом Президиум ВС РФ в своем постановлении указал следующее. «...Суд первой инстанции при разрешении исковых требований потерпевшей З. о компенсации морального вреда и взыскании с осужденных Д., Д. и С. в солидарном порядке 1 500 000 рублей не учел приведенные положения норм Гражданского кодекса Российской Федерации, а также разъяснения по вопросу их применения, содержащиеся в вышеуказанном постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации».

В обоснование решения по иску потерпевшей о компенсации морального вреда суд привел суждение «...о равной степени вины ответчиков», поскольку они действовали организованной группой лиц. Вместе с тем обстоятельства дела, как они установлены вердиктом присяжных заседателей, свидетельствуют, что характер и степень фактического участия в преступлении осужденных Д., Д. и С., которые, хотя и действовали организованной группой лиц, были различными. Соответственно, степень вины каждого в причинении гражданскому истцу физических и нравственных страданий также была различной. При таких обстоятельствах Президиум находит, что приговор суда и апелляционное определение в отношении Д., Д. и С. в части решения о взыскании с них в солидарном порядке 1 500 000 рублей в пользу З. в счет компенсации морального

² Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 13 февраля 2020 г. № 77-1/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

вреда подлежат отмене с передачей дела в этой части на новое рассмотрение»³.

На практике возникают ситуации, когда степень вины каждого осужденного в причинении вреда определить трудно или невозможно. Например, по одному из дел осужденные У. и Г. позвали потерпевшего в недостроенное здание и там совершили разбойное нападение, нанеся ему телесные повреждения. Вместе с тем выяснить точно, кто из них нанес сколько ударов потерпевшему и по каким частям тела, не удалось. Суд первой инстанции в приговоре взыскал с осужденных компенсацию морального вреда солидарно, в связи с чем иск был передан для рассмотрения в суд первой инстанции в порядке гражданского судопроизводства⁴. Впоследствии иск был рассмотрен в порядке гражданского судопроизводства и с ответчиков взысканы в долевом порядке равные суммы⁵.

Нашла свое отражение в Постановлении Пленума и ситуация, когда денежные средства в счет возмещения имущественного вреда взыскиваются раздельно с двух или более лиц. В п. 25 указывается: «Если имущественный вред причинен подсудимым совместно с другим лицом, в отношении которого дело было выделено в отдельное производство, либо это лицо освобождено от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям, то суд возлагает обязанность по его возмещению в полном объеме на подсудимого. При вынесении в дальнейшем обвинительного приговора в отношении лица, дело о котором было выделено в отдельное производство, суд вправе возложить на него обязанность возместить вред солидарно с ранее осужденным лицом, в отношении которого был удовлетворен гражданский иск».

Данное разъяснение было необходимо, так как в судебной практике встречались ошибки. Так, Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного

Суда Российской Федерации в своем апелляционном определении, изменяя приговор Дальневосточного окружного военного суда от 30 октября 2014 г. в отношении Л.Е.В., указала следующее.

При принятии решения об удовлетворении гражданского иска суд не учел, что ранее вынесенными «приговорами Дальневосточного окружного военного суда от 9 и 21 октября 2014 г. удовлетворены аналогичные иски потерпевших к осужденным Т. и К., уголовные дела в отношении которых были выделены в отдельные производства, в связи с чем суду следовало указать в приговоре о возложении на Л.Е.В. обязанности по возмещению ущерба потерпевшим солидарно с ранее осужденными Т. и К., что является основанием для изменения приговора в этой части... Суд определил взыскать с осужденного Л.Е.В. солидарно с ранее осужденными Т. и К. в пользу: Л. — <...> рублей, К. — <...> рублей»⁶.

4. Неясность в выборе между волей истца и требованиями о солидарном взыскании с соучастников преступления.

Остается, на наш взгляд, непонятной ситуация, когда преступление совершено группой лиц в отношении одного потерпевшего и данный потерпевший предъявляет иски только к одному из подсудимых, а этот подсудимый иски признает. В соответствии с нормами ГПК РФ иск рассматривается по заявленным истцом требованиям и круг ответчиков определяет истец. При этом суд может привлечь соответчика с согласия истца. В силу ст. 173 ГПК РФ при признании ответчиком иска и принятии его судом принимается решение об удовлетворении заявленных истцом требований. Вместе с тем в Постановлении Пленума (абз. 1 п. 25) указывается, что по ходатайству потерпевшего и в его интересах суд вправе определить долевой порядок его взыскания. В данной ситуации неясно, какими из норм следует руководствоваться.

5. Случаи поочередного обращения с исковыми требованиями к лицу, совершившему преступление, нескольких

³ Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 5 февраля 2020 г. № 167П19пр // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Архив Вахитовского районного суда г. Казани. Дело № 1-552/09.

⁵ Архив Вахитовского районного суда г. Казани. Дело № 2-1864/2010.

⁶ Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 22 января 2015 г. № 208-АПУ14-2.

родственников умершего в результате преступления лица.

Пленум в п. 14 Постановления разъяснил, что если потерпевшими по уголовному делу о преступлении, последствием которого явилась смерть человека, признаны несколько близких родственников и (или) близких лиц погибшего, а при их отсутствии или невозможности участия в уголовном судопроизводстве — несколько его родственников, то каждый из них вправе предъявить гражданский иск, содержащий самостоятельное требование о компенсации морального вреда. Суду необходимо учитывать обстоятельства, свидетельствующие о причинении именно этим лицам физических или нравственных страданий.

В практике обычно признается потерпевшим одно лицо, с участием которого проводятся все следственные и другие процессуальные действия, он же в дальнейшем участвует в судебном разбирательстве. Но фактически моральный вред бывает причинен и другим лицам (например, матери, ребенку, брату и др.), которые потом могут обратиться с иском.

Например, приговором Тюлячинского районного суда Республики Татарстан от 1 августа 2018 г. Б. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 264 УК РФ. Этим же приговором гражданский иск Х.Г. (вдовы погибшего) удовлетворен и взыскана компенсация морального вреда. По прошествии трех месяцев в Тюлячинский районный суд Республики Татарстан обратилась дочь погибшего Х.А. с исковыми требованиями к осужденному Б. о компенсации морального вреда, причиненного преступлением. Исковые требования Х.А. 17 декабря 2018 г. решением суда удовлетворены частично. По прошествии еще 4 месяцев в этот же суд обратилась И. — мать погибшего — с аналогичным иском к осужденному Б. Решением суда от 22 апреля 2019 г. исковые требования И. также удовлетворены частично⁷.

Считаем необходимым обратить внимание на то, что в практике часто встречаются случаи, когда суд, рас-

сматривающий исковые требования родственника погибшего, может не знать о предыдущем рассмотренном иске другого родственника или исков родственников.

В части 5 ст. 29 ГПК РФ установлена альтернативная подсудность, а именно иски о возмещении вреда, причиненного увечьем, иным повреждением здоровья или в результате смерти кормильца, могут предъявляться истцом также в суд по месту его жительства или месту причинения вреда. В связи с этим иски о взыскании компенсации морального вреда, причиненного смертью родственника, могут быть поданы в разные суды. И суд, рассматривающий иск, может не знать о состоявшихся ранее решениях. При этом осужденный ответчик часто никак не реагирует на судебное разбирательство. Считаем необходимым устанавливать данные обстоятельства и учитывать их при принятии решения.

Кроме того, необходимо учитывать, что при удовлетворении гражданского иска в уголовном деле в определенном размере возможно последующее обращение с исками других родственников и размер компенсации, взыскиваемой в их пользу, должен быть сопоставим с ранее взысканной в приговоре компенсацией.

Подводя итог, отметим, что институт гражданского иска динамично развивается и принятие Постановления Пленума ВС РФ было очень своевременно и решило многие возникающие вопросы.

Процессуальное соучастие при разрешении гражданского иска в уголовном процессе является распространенным явлением и ставит перед судами разнообразные проблемы, связанные с множественностью лиц как на стороне истца, так и стороне ответчика, необходимостью определения порядка взыскания (солидарный или долевого) и с продолжительным временным периодом, в течение которого эти требования заявляются и разрешаются. Помимо этого, сложность представляет территориальная распределенность этих требований, рассматриваемых зачастую в разных судах. Эти обстоятельства и приведенные в данной статье примеры из судебной практики мы считаем важными и подлежащими учету.

⁷ Дела № 1-10/2018, 2-511/2018, 2-174/2019 // Архив Тюлячинского районного суда Республики Татарстан.

Проблемы формирования судебных экспертиз новых родов и видов

Сретенцев Денис Николаевич,

старший преподаватель кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД Орловского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.В. Лукьянова, кандидат юридических наук
viorel@yandex.ru

Волкова Валерия Руслановна,

курсант факультета подготовки следователей Орловского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.В. Лукьянова
volkova-valeru@bk.ru

В статье рассматриваются вопросы, касающиеся правовых, организационных и методических проблем формирования новых родов и видов судебных экспертиз, обозначены основные векторы оптимизации данной деятельности.

Ключевые слова: судебно-экспертная деятельность, судебная экспертиза, виды судебных экспертиз, эксперт, исследования, методика экспертного исследования, экспертный метод, экспертная технология.

Issues of the Establishment of Forensic Examinations of New Sorts and Types

Sretentsev Denis N.

Senior Lecturer of the Department of Criminalistics and Pre-Trial Investigation in Internal Affairs Agencies of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov
PhD (Law)

Volkova Valeria R.

Cadet of the Investigator Training Faculty of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov

The article deals with issues related to legal, organizational and methodological problems of forming new types and types of forensic examinations, and identifies the main vectors for optimizing this activity.

Keywords: forensic activity, forensic examination, types of forensic examinations, expert, research, methods of expert research, expert method, expert technology.

Формирование и становление новых направлений судебно-экспертных исследований представляет достаточно сложный и длительный процесс, так как разработка новых и модификация имеющихся экспертных методик зачастую вызывает бурные научные дискуссии. Внедрение в судебно-экспертную деятельность новых технологий и методов продиктовано не только научно-техническим прогрессом, но и практической необходимостью решения экспертных задач, круг которых из года в год увеличивается.

Можно выделить правовые, организационные и методические проблемы формирования новых родов и видов судебных экспертиз. К причинам их появления можно отнести: отсутствие обмена информацией и опытом между представителями экспертных учреждений разной ведомственной принадлежности; трудоемкость научного обоснования и апробации экспертных методик для придания им статуса типовых; отсутствие единства при подготовке экспертных кадров как в целом (в контексте изменений законодательства об образовании), так и

в частности по новым направлениям исследований; недостаточно качественная техническая оснащенность экспертных подразделений.

Появление новых видов судебных экспертиз происходит на различных уровнях, начиная с исследователей на местах, которые пытаются самостоятельно познать тонкости применения новых технологий и методов, и заканчивая разработкой и апробацией методик исследования в головных экспертных учреждениях страны.

Вполне очевидно, что проведение масштабных и объемных исследований требует значительных вложений и серьезной технической базы. В последние годы данный вопрос достаточно часто поднимается в научных монографиях, увеличивается количество публикаций и специальной литературы, связанных с проведением новых направлений экспертных исследований. Но в то же время имеют место и негативные обстоятельства, к которым можно отнести устаревание научного фонда, основной массив которого сформирован еще в советские годы, и все же многие современные исследования организуются на основе фундамента, заложенного в те годы, что снижает информационное обеспечение формирующихся новых видов судебно-экспертных исследований. Данную проблему усугубляют отличающиеся подходы в экспертных учреждениях разной ведомственной принадлежности к применяемым методикам и методам при исследовании, казалось бы, одних и тех же объектов. И хотя экспертные учреждения стараются расширить круг применяемых методик исследования в своем арсенале, обмен между ведомствами научными трудами, в которых закреплены различные методики и методы исследования, до сих пор находится на низком уровне.

Выработка новых методик, как и во многих других областях, происходит методом проб и ошибок. Нередко возникают ситуации, когда методика уже применяется, но все еще должным образом не получила научного обоснования. Большинство новых методик не проходят дальнейшей апробации, а результаты, полученные с их использованием, могут

не соответствовать критериям обоснованности, достоверности, объективности и воспроизводимости.

Разрешить проблему возможно путем унификации и стандартизации методического обеспечения производства судебных экспертиз. В связи с этим в 2015 г. был создан технический комитет по стандартизации «Судебная экспертиза», порядок создания и организация деятельности данного комитета основывается на приказах Росстандарта от 2015 и 2017 гг. На комитет возложены функции по национальной, межгосударственной и международной стандартизации в области экспертной деятельности¹. В перспективе технический комитет планирует разработать 28 национальных стандартов по различным родам (видам) судебных экспертиз². На настоящий момент за техническим комитетом закреплено 8 действующих стандартов³.

Одними из последних утвержденных национальных стандартов (за 2018 г.) являются: ГОСТ Р 58081-2018 «Судебно-экологическая экспертиза. Термины и определения»; ГОСТ Р 58332-2018 «Судебная экспертиза фонограмм. Термины и определения». Требования данных стандартов носят общий характер и могут применяться любыми экспертами аккредитованных экспертных учреждений. Технический комитет в настоящее время продолжает активную работу по разработке новых и усовершенствованию уже имеющихся национальных стандартов, в том числе и в областях, смежных с судебно-экспертной деятельностью.

Применение современных методов и технологий в судебно-экспертной деятельности становится неотъемлемой составляющей ее организационно-методического обеспечения. Поставщиками

¹ Неретина Н.С. Проблемы производства новых родов и видов судебных экспертиз: методические и методологические аспекты // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2018. № 7. С. 82.

² Официальный сайт Российского федерального центра судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации. URL: <http://www.sudexpert.ru/standards/> (дата обращения: 24.09.2020).

³ Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии (Росстандарт). URL: <http://webportalsrv.gost.ru> (дата обращения: 24.09.2020).

современных экспертных методов и технологий в последние годы становятся и независимые экспертные учреждения, создаваемые на базе высших учебных заведений. Так, например, на базе ГБОУ ВПО «Тверская медицинская академия» создано ООО «Независимая медицинская экспертиза ТГМА», одним из направлений деятельности которого является разработка и внедрение современных технологий в практическую экспертную деятельность⁴.

Поскольку эксперт свободен в выборе методов экспертного исследования, данный выбор он производит опираясь на свои знания и внутренние убеждения. Нередко приходится использовать методы, разработанные для исследований смежных областей знаний.

Адаптировать методы из других отраслей смежных наук для судебно-экспертных исследований не всегда возможно, что во многом объясняется несовпадением целей и задач. В то же время проводимые в последние годы научно-практические разработки позволяют использовать альтернативные способы исследования, например способы посмертного вскрытия, без использования инвазивных методов, при задействовании возможностей компьютерной томографии и 3D-технологий. Использование указанных технологий позволяет решать достаточно широкий круг вопросов, начиная с точной локализации, времени и механизма образования перелома костной ткани и заканчивая прогнозом восстановления, позволяет минимизировать ошибки при первичном исследовании трупа⁵.

Развитие науки и техники влияет на появление новых методов в рамках уже традиционных видов исследований. В качестве примера можно привести термический метод для выявления следов рук на чековой ленте. На такой ленте присутствует особый резистивный термоактивный слой-покрытие. Наличие

этого слоя придает чековой бумаге некоторые особые свойства, влияющие на механизм слеодообразования и, соответственно, на особенности выявления потожирового следа⁶. Разработчики метода предлагают в течение определенного времени равномерно нагревать термическую ленту. Также рекомендуется определенная температура нагрева, она может варьироваться от 60 до 100 °С. Технически метод реализуется путем прямого термического воздействия на исследуемый объект в течение 5–10 сек. Поскольку данный метод появился сравнительно недавно, он еще не апробирован окончательно, таким образом, его практическая эффективность или неэффективность станет понятна в ближайшем будущем.

Не все новые методы получают дальнейшее развитие в практической деятельности. Так, в начале 2010-х годов многие ученые-криминалисты считали прорывом создание криминалистической дерматоглифики, сущность которой заключалась в возможности по отпечаткам пальцев (папиллярным узорам) определить предрасположенность человека ко множеству заболеваний, его врожденные способности и особенности личности, а также дать рекомендации по выбору видов спорта, профессии и даже партнеров. Однако в мае 2016 г. Комиссия по борьбе с лженаукой при Российской академии наук (РАН) выпустила первый в своей истории меморандум, в соответствии с которым дерматоглифика была объявлена лженаукой⁷.

Еще один показательный пример: в последние годы объектом судебно-психологической экспертизы стала видеозапись допроса, исследуемая с целью решения вопроса относительно достоверности показаний при производстве следственного действия. Возникли бурные споры среди ученых

⁴ Дадабаев В.К., Стрелков А.А. Возможности применения рентгенологических методов исследования в судебно-медицинской и криминалистической экспертной деятельности // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2014. № 4. С. 278–281.

⁵ См.: Там же. С. 281.

⁶ Яковлев Г.Д., Яковлев Д.Ю. Использование термического метода для выявления следов рук на чековой ленте // Эксперт-криминалист Научный журнал. 2020. № 3. С. 16–17.

⁷ Меморандум № 1 Комиссии РАН по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований о лженаучном статусе коммерческого тестирования по кожным узорам пальцев рук. 14 с.

и практиков по поводу обоснованности данных исследований, что в конечном итоге привело к появлению информационного письма «О неправомерности определения достоверности показаний путем судебной экспертизы»⁸.

Этот путь тернист, он делит ученых-криминалистов, как теоретиков, так и практиков, на два лагеря — сторонников и противников новых экспертных методов и методик. Для разрешения споров и формирования концептуальных подходов к проблеме их использования организуются и проводятся научные конференции и круглые столы. Представляется, что в основе единого понимания научно-теоретических и прикладных аспектов формирования новых направлений судебно-экспертных исследований лежит сотрудничество между экспертными подразделениями не только на внутрисударственном, но и на международном уровне.

Справедливо отмечает Н.С. Неретина, что ряд новых судебных экспертиз могли быть образованы только после того, как технический прогресс позволил создать приборы, инструменты, которые, во-первых, сами стали объектами экспертизы, во-вторых, техническими средствами, с помощью которых эти объекты исследовались⁹.

Расширение возможностей техники создает базу для развития и совершенствования уже имеющихся методик исследования, в рамках которых усложняются и приобретают характер нетрадиционных задачи, выносимые для разрешения экспертов, расширяется круг объектов исследования. Так, например, на экспертные исследования попадают видеозаписи, полученные с помощью квадрокоптера, что расширяет возможности ситуационных судебных экспертиз¹⁰. Также довольно часто в по-

следнее время объектом исследования становится видеофрагмент, записанный на видеорегиистратор. Многие объекты, традиционные для судебных экспертиз, переводятся в цифровые модели, постепенно замещая привычные объекты¹¹.

Использование методов анализа изображений дало новый толчок развитию пороскопии и эджескопии для идентификации по микропризнакам следов папиллярного узора, позволяя проводить как сравнительное морфологическое исследование с учетом возможных искажений при оставлении, так и математическую обработку их изображения¹².

Новые методы экспертного исследования могут явиться основанием для формирования новых родов и видов судебных экспертиз. Нельзя не согласиться с Е.Р. Россинской, которая справедливо отмечает, что из истории развития всех судебных экспертиз можно вывести закономерность, заключающуюся в том, что, пока экспертиза только формируется и родового деления нет, она именуется по названию той науки, откуда черпается основная часть специальных знаний¹³.

Имеет место отставание документального закрепления новых видов исследования в ведомственных перечнях, классификаторах и стандартах, анализ данных документов показывает, что даже наименования экспертиз, решающих одни и те же задачи, разнятся. Но в то же время не можем разделить позицию некоторых авторов¹⁴ о целесообразности закрепления единого перечня судебных

паратов с камерой в следственном осмотре // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2016. № 4. С. 179.

¹¹ Неретина Н.С. Генезис новых родов и видов судебных экспертиз в эпоху цифровизации // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 5. С. 91.

¹² Моисеева Т.Ф. Новые методы и средства в формировании новых видов судебно-экспертных исследований // Вестник университета МГЮА. 2014. № 3. С. 72.

¹³ Россинская Е.Р. Теоретические и организационно-технологические проблемы новых родов (видов) судебных экспертиз // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 3 (88). С. 146–154.

¹⁴ Ильин Н.Н. Некоторые актуальные проблемы современной практики судебных экспертиз // Теория и практика судебной экспертизы. 2018. Т. 13. № 1. С. 111.

⁸ Информационное письмо «О неправомерности определения достоверности показаний путем судебной экспертизы» / С.А. Смирнова [и др.] // Теория и практика судебной экспертизы. 2016. № 3. С. 64–73.

⁹ Неретина Н.С. Методологические, правовые и организационные аспекты формирования и развития новых родов и видов судебных экспертиз: монография. М.: Юрлитинформ, 2017. С. 27.

¹⁰ Сретенцев Д.Н. К вопросу об использовании дистанционно управляемых летательных ап-

экспертиз в Федеральном законе от 31 июня 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», так как считаем, что законодатель на федеральном уровне не сможет оперативно реагировать на появление новых родов и видов экспертиз.

Проведенный анализ позволяет обозначить три основных вектора формирования судебных экспертиз новых родов и видов.

1. Информационно-аналитический вектор: стандартизация и унификация методик, контроль над рамками возможностей судебного эксперта и системой его подготовки.

2. Научный вектор: выделение новых предметных областей судебно-экспертных исследований на основе современной научной базы, синтеза смежных научных знаний и прикладных исследований.

3. Технологический вектор: поиск и апробирование новых приемов, расширение сфер применения существующих методик на основе появления приборов, инструментов, сложного аналитического оборудования, программно-аппаратных комплексов, информационно-телекоммуникационных сетей, нейросетей.

Разрешение спорных вопросов, устранение существующих законодательных пробелов в части, касающейся организационно-методического обеспечения новых направлений судебно-экспертных исследований, приведет к улучшению их качества, поспособствует активному формированию их научно-теоретической основы, расширит перечень объектов исследования и круг решаемых задач, позволит участникам уголовного судопроизводства в полной мере оценить обоснованность и достоверность заключения эксперта.

Литература

1. Дадабаев В.К. Возможности применения рентгенологических методов исследования в судебно-медицинской и криминалистической экспертной деятельности / В.К. Дадабаев, А.А. Стрелков // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2014. № 4 (15). С. 278–281.
2. Ильин Н.Н. Некоторые актуальные проблемы современной практики судебных экспертиз / Н.Н. Ильин // Теория и практика судебной экспертизы. 2018. Т. 13. № 1. С. 110–114.
3. Моисеева Т.Ф. Новые методы и средства в формировании новых видов судебно-экспертных исследований / Т.Ф. Моисеева // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2014. № 3. С. 69–75.
4. Неретина Н.С. Методологические, правовые и организационные аспекты формирования и развития новых родов и видов судебных экспертиз : монография / Н.С. Неретина. Москва : Юрлитинформ, 2017. 148 с.
5. Неретина Н.С. Генезис новых родов и видов судебных экспертиз в эпоху цифровизации / Н.С. Неретина // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 5 (57). С. 88–94.
6. Неретина Н.С. Проблемы производства новых родов и видов судебных экспертиз: методические и методологические аспекты / Н.С. Неретина // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 7 (47). С. 76–83.
7. Россинская Е.Р. Теоретические и организационно-технологические проблемы новых родов (видов) судебных экспертиз / Е.Р. Россинская // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 3 (88). С. 146–154.
8. Смирнова С.А. Информационное письмо «О неправомерности определения достоверности показаний путем судебной экспертизы» / С.А. Смирнова [и др.] // Теория и практика судебной экспертизы. 2016. № 3 (43). С. 64–73.
9. Сретенцев Д.Н. К вопросу об использовании дистанционно управляемых летательных аппаратов с камерой в следственном осмотре // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2016. № 4 (27). С. 177–180.

К вопросу о квалификации заведомо ложного доноса

Самойлюк Наталья Владимировна,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Дальневосточного юридического института
Министерства внутренних дел Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент
skorra@mail.ru

Чехонина Дарья Петровна,
преподаватель кафедры специальных дисциплин
Дальневосточного юридического института
Министерства внутренних дел Российской Федерации
darya3305@mail.ru

Статья посвящена отдельным вопросам квалификации заведомо ложного доноса. Автором вносятся предложения по совершенствованию действующей редакции ст. 306 УК РФ, обосновываются некоторые правила квалификации анализируемого состава преступления.

Ключевые слова: заведомо ложный донос, уголовная ответственность, состав преступления, квалификация.

On the Legal Treatment of an Intentionally False Denunciation

Samoylyuk Natalya V.
Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology
of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
PhD (Law), Associate Professor

Chekhonina Darya P.
Lecturer of the Department of Special Disciplines of the Far Eastern Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

The article is devoted to certain issues of qualification of knowingly false denunciation. The author makes proposals for improving the current edition of Art. 306 of the Criminal Code of the Russian Federation, some rules for qualifying the analyzed corpus delicti are substantiated.

Keywords: knowingly false denunciation, criminal liability, corpus delicti, qualification.

Современный уголовный кодекс не предусматривает уголовной ответственности за «недонесение» о совершенном или планируемом преступлении. Исключение составляет ст. 205.6 «Несообщение о преступлении»¹, введенная в Уголовный ко-

декс РФ (УК РФ) в 2016 г. и предусматривающая наказание за умалчивание сведений в сфере преступлений террористической направленности. При этом сообщение в соответствующие органы о фактах преступной деятельности является гражданским долгом лица, а также способствует эффективному раскрытию и расследованию преступлений.

Общественная опасность преступления, предусмотренного ст. 306 УК РФ «Заведомо ложный донос» обусловлена двумя основными факторами, — с одной стороны, нарушением

¹ Федеральный закон от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» // Российская газета. 2016. 11 июля.

законного порядка отправления правосудия, с другой — очевидным снижением эффективности работы правоохранительных органов, вводимых в заблуждение субъектом преступления.

Наибольшие трудности, как известно, при применении ст. 306 УК РФ связаны с несовершенством действующей редакции рассматриваемой статьи. Отсутствие разъяснений Верховного суда по применению нормы, предусматривающей ответственность за заведомо ложный донос, затрудняет ее реализацию. Так, спорным моментом является определение адресата, которому сообщается о ложном преступлении. Кроме того, нет единого мнения о том, является ли цель — возбуждение уголовного дела и привлечение к уголовной ответственности обязательным признаком субъективной стороны рассматриваемого состава преступления. Вопрос о квалификации действий лица, которое вначале совершает заведомо ложный донос, а затем в рамках уголовного дела дает заведомо ложные показания, также остается дискуссионным.

Объективная сторона анализируемого преступления выражена активными действиями по сообщению заведомо ложных сведений — доносе о совершении преступления. Законодатель сразу обращает внимание, что уголовно наказуемым является факт донесения ложной информации именно о преступлении. Таким образом, сообщение об иных правонарушениях не подпадает под действие ст. 306 УК РФ. При соответствующих обстоятельствах такие деяния квалифицируются по иным статьям УК РФ, например ст. 128.1 «Клевета».

Донос может содержать ложную информацию как о фактических обстоятельствах преступления, так и о конкретном лице, его совершившем. *Примером первого может служить приговор Городецкого городского суда Нижегородской области, которым при-*

знан виновным гр. Р. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 306 УК РФ. Так, гр. Р. после того, как у него закончились деньги на распитие спиртного, продав свой телефон, для получения денежных средств в целях приобретения еще спиртного, испугавшись осуждения со стороны своего отца, обратился в отдел полиции с заявлением о хищении у него сотового телефона неустановленными лицами. Будучи предупрежденным об уголовной ответственности по ст. 306 УК РФ за заведомо ложный донос, Р. предоставил сотрудникам полиции заведомо ложные сведения об обстоятельствах хищения у него телефона².

Примером второй разновидности объективной стороны может служить приговор в отношении гр. П.Р.В., который признан виновным в совершении преступления, предусмотренном ч. 1 ст. 306 УК РФ. *Так, П.Р.В., имея прямой умысел на совершение заведомо ложного доноса о совершении в отношении него преступления, предусмотренного п. «з» ч. 2 ст. 112 УК РФ, обратился с письменным заявлением в МО МВД России «Котельничский» УМВД России по Кировской области, с заведомо недостоверной информацией о том, что С. с целью причинения вреда его здоровью, нанес не менее 4 ударов металлической палкой в область спины П.Р.В. В своем сообщении П.Р.В. показал, что он пришел за сигаретами к своему знакомому С., у того лежали на столе две пачки, но С. дал ему только 9 штук. При подходе к своему дому П.Р.В. поскользнулся, так как был пьян и в летних кроссовках, и упал на левый бок, ударившись при этом левой лопаткой о деревянный брус, который лежал на земле напротив входной двери в дом. Почувствовал сильную боль в левой лопатке, он обратился в «скорую помощь», где сказал, что его избили, думал, что дальше разбираться с данным*

² Статья 306 УК РФ «Заведомо ложный донос». URL: <http://oukrf.ru/st306> (дата обращения: 12.03.2020).

дующим образом: «Заведомо ложный донос о совершении преступления либо о лице, его совершившем, с целью привлечения лица к уголовной ответственности — <...>».

Часть 2 ст. 306 УК РФ предусматривает квалифицированный состав, влекущий повышенное наказание за заведомо ложный донос, соединенный с обвинением лица в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления. Содержание категорий преступлений закреплено в ст. 15 УК РФ.

Особо квалифицированный состав заведомо ложного доноса (ч. 3 ст. 306 УК РФ) связан с искусственным созданием доказательств обвинения. Данный признак характеризуется активными действиями виновного по созданию фальшивых, фальсифицированных фактов совершения преступления. Здесь представляется интересным следующий пример судебной практики. *Р.Е.П. с целью совершения заведомо ложного доноса о совершенном в отношении нее преступлении, из личной заинтересованности, будучи осведомленной о наличии в городе Москве камер видеонаблюдения, в целях придания своему заявлению достоверности и искусственного создания доказательств обвинения совершенного в отношении нее особо тяжкого преступления, обратилась к своему знакомому, не осведомленному о ее преступном умысле, с просьбой инсценировать хищение принадлежащей ей сумки с денежными средствами, на что знакомый дал свое согласие. Р.Е.П. прибыла в обусловленное место, где, согласно достигнутой договоренности, знакомый подошел к ней и забрал находящуюся при ней сумку, в которой денежные средства отсутствовали, после чего с места инсценировки преступления скрылся. Далее Р.Е.П. в целях создания правдоподобности случившегося сообщила очевидцам, что ее ударили по голове и похитили сумку. После чего очевидцами данного происшествия о случившемся было сообщено в службу «02», а также вызван наряд*

скорой медицинской помощи, который доставил ее в приемное отделение, где она сообщила о совершенном в отношении нее преступлении со стороны неустановленного лица, что заведомо не соответствовало действительности, указав при этом, что неизвестный ударил ее по голове и открыто похитил находящуюся при ней сумку, в которой находились денежные средства, то есть неустановленное лицо совершило в отношении нее преступление, предусмотренное п. «б» ч. 3 ст. 161 УК РФ, относящееся к категории особо тяжкого.

Суд исключил из обвинения квалифицирующий признак «соединенное с обвинением лица в совершении особо тяжкого преступления», поскольку по смыслу ст. 306 УК РФ необходимо, чтобы в заведомо ложном доносе содержалось указание на конкретное лицо, предположительно совершившее преступление. Из обвинительного заключения следует, что Р.Е.П. не указывала на каких-либо конкретных лиц, которые, по ее мнению, совершили в отношении нее преступление, не обвиняла какое-либо лицо в совершении особо тяжкого преступления. Действия подсудимой Р.Е.П. суд квалифицировал по ч. 3 ст. 306 Уголовного кодекса РФ, так как она совершила заведомо ложный донос о совершении преступления, соединенный с искусственным созданием доказательств обвинения⁶.

Статью 307 УК РФ необходимо отличать от ст. 306 УК РФ. Данные составы преступлений сходны по объекту и субъективной стороне преступления. Главное отличие заключается в том, что заведомо ложный донос осуществляется до возбуждения уголовного дела, когда статусы участников еще не определены. Здесь законным является вопрос: как квалифицировать действия лица, который совершает

⁶ Приговор Хорошевского районного суда г. Москвы от 15 марта 2019 г. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 11.09.2020).

заведомо ложный донос и в последующем уже в рамках возбужденного уголовного дела дает заведомо ложные показания? Распространенной является точка зрения о том, что при наличии таких обстоятельств действия виновного лица квалифицируются лишь по ст. 306 и дополнительной квалификации по ст. 307 УК РФ не требуется⁷. Кроме того, некоторые исследователи считают в указанном случае обоснованной квалификацию по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 306 и 307 УК РФ, при этом отмечая, что способ получения доказательств такого обвинения нарушает права человека не свидетельствовать против самого себя, поскольку отказаться от

дачи показаний, будучи свидетелем по уголовному делу, данное лицо не может, а правдивые показания будут расценены как доказательство ранее совершенного заведомо ложного доноса⁸.

По нашему мнению, заведомо ложный донос представляет собой создание условий для дачи заведомо ложных показаний, то есть, по сути, образует приготовительные действия к даче заведомо ложных показаний. Поскольку каждая последующая стадия поглощает предыдущую, действия виновного лица, совершившего заведомо ложный донос, а в последующем давшего заведомо ложные показания в рамках одного и того же вымышленного преступления, должны квалифицироваться по ст. 307 УК РФ.

⁷ Хабибуллин М.Х. Ответственность за заведомо ложный донос и заведомо ложное показание по советскому уголовному праву. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1975. 160 с. URL: https://filling-form.ru/blank_zayav/20870/index.html (дата обращения: 12.03.2020).

⁸ Петрик Е.С. Проблемы уголовно-правового регулирования и квалификации преступлений, связанных с предоставлением судами заведомо ложной информации // Общество и право. 2009. № 1 (23). С. 196.

Литература

1. Бриллиантов А.В. Заведомо ложный донос: вопросы квалификации / А.В. Бриллиантов // Уголовное право. 2014. № 3. С. 13–18.
2. Петрик Е.С. Проблемы уголовно-правового регулирования и квалификации преступлений, связанных с предоставлением судами заведомо ложной информации / Е.С. Петрик // Общество и право. 2009. № 1 (23). С. 194–196.
3. Хабибуллин М.Х. Ответственность за заведомо ложный донос и заведомо ложное показание по советскому уголовному праву / М.Х. Хабибуллин. Казань : Изд-во Казанского ун-та, 1975. 160 с.

Уважаемые авторы!

Сообщаем о возможности присвоения DOI ранее опубликованным или планируемым к публикации статьям в наших журналах!

По всем вопросам, связанным с присвоением DOI вашим статьям, просим обращаться по адресу электронной почты: ig@lawinfo.ru, с пометкой «DOI для статьи».

Актуальные вопросы квалификации похищения человека

Корнакова Светлана Викторовна,

доцент кафедры правового обеспечения национальной безопасности
Байкальского государственного университета
Svetlana-kornakova@yandex.ru

В статье критически оценивается не соответствующее критерию законности отсутствие в российском уголовном законе дефинитивного положения, раскрывающего квалифицирующие признаки похищения человека. Приводятся примеры обусловленных этим противоречивых судебных решений. Анализируются соответствующие нормы законодательства некоторых стран СНГ. Делается вывод о большей конкретности определения похищения человека, выработанного судебно-следственной практикой, находящего отражение в решениях Верховного Суда РФ. Аргументируется необходимость его закрепления в статье 126 Уголовного кодекса РФ.

Ключевые слова: судебная практика, уголовное законодательство, квалификация похищения человека.

Relevant Issues of the Legal Treatment of Abduction

Kornakova Svetlana V.

Associate Professor of the Department of Legal Support of National Security
of the Baikal State University

The article critically assesses the absence of a definitive provision in the Russian criminal law that does not meet the criterion of legality, revealing the qualifying features of kidnapping. Examples of contradictory court decisions resulting from this are given. The relevant legal norms of some CIS countries are analyzed. It is concluded that the definition of kidnapping developed by judicial and investigative practice and reflected in the decisions of the Supreme Court of the Russian Federation is more specific. It is argued that it should be fixed in art. 126 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: judicial practice, criminal law, qualification of kidnapping.

Проблемы борьбы с преступностью, связанной с посягательством на физическую свободу личности, всегда находились в сфере повышенного внимания ученых. В частности, научный интерес к изучению уголовно-правовых проблем похищения людей был особенно велик в конце XX в., когда наблюдался значительный прирост числа совершения таких преступлений.

В последние годы отмечается снижение количества регистрируемых преступлений, связанных с похищением человека, но и сегодня подобные посягательства продолжают представлять угрозу физической свободе человека и его личной неприкосновенности, гарантированным Конституцией РФ. Согласно статистическим данным, количество осужденных по ст. 126 Уголовного кодекса РФ (УК РФ) в 2016 г. составило 281 чел., в 2017 г. — 279, в 2018 г. — 303

и в 2019 г. — 287 чел.¹ Вместе с тем судебная статистика отнюдь не всегда отражает реальный уровень преступности, а в отношении преступлений против свободы личности учеными отмечается высокий уровень латентности².

Отметим, что актуальность обращения к вопросам законодательного регулирования уголовной ответственности за совершение рассматриваемого деяния не утрачивается, прежде всего потому, что до сих пор нерешенным остается вопрос об определении самого понятия «похищение человека», содержание которого не раскрывается в положениях УК РФ.

¹ Статистика АПИ-пресс. URL: <http://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/14/s/17>

² Авдеева Е.В. Преступления против свободы личности в Российской Федерации // Криминологический журнал БГУЭП. 2014. № 2. С. 216; Тамбовцева Г.М. Преступность как одна из угроз национальной безопасности России // Аграрное и земельное право. 2019. № 6 (174). С. 138.

Действительно, случай, когда преступлению лишь дано название без конкретизации признаков его состава, для действующего уголовного закона почти уникальный. Тем более когда речь идет о тяжком преступлении, за совершение которого установлен пониженный возраст уголовной ответственности. Простая диспозиция, сконструированная законодателем в ст. 126 УК РФ, не позволяет получить ответ на вопрос по поводу того, какие действия (бездействие) запрещает государство под угрозой сурового наказания, которые считаются похищением человека. Между тем, несмотря на отсутствие прямого закрепления в законе дефиниции похищения человека, она выработана судебной практикой, что находит отражение в решениях судов высших инстанций. Так, в постановлении Президиума Верховного Суда РФ от 17 мая 2000 г. указано, что «по смыслу закона под похищением человека следует понимать противоправные умышленные действия, сопряженные с тайным или открытым завладением (захватом) живого человека, перемещением с места его постоянного или временного проживания с последующим удержанием против его воли в другом месте»³.

Возникает вопрос по поводу использования в приведенном положении вводного словосочетания «по смыслу закона». Какие конкретно положения российского уголовного закона послужили основанием для выделения указанных признаков состава данного преступления? В статье 126 УК РФ таковых нет. Поэтому Верховным Судом РФ, на наш взгляд, дается не буквальное толкование закона, предполагающее изъяснение облеченной в форму слова воли законодателя, а расширительное, когда «прямо не прописано, но подразумевается». По сути, Верховный суд самостоятельно (вместо законодателя) определяет конкретные действия, которые следует

квалифицировать как похищение человека. Между тем он является органом судебной, но не законодательной ветви власти, существенно отличающейся степенью обязательности результатов своей деятельности.

Заметим, что практика по этой категории дел на уровне Пленума Верховного Суда РФ до декабря 2019 г. не обобщалась, а разъяснения по поводу того, что следует понимать под составом похищения человека, можно было найти лишь обратившись к решениям Верховного Суда РФ по конкретным делам, обзорам судебной практики либо к комментариям к ст. 126 УК РФ. Между тем законы должны писаться для людей, для того чтобы любой человек мог уяснить его точный смысл. Необходимо, чтобы волю законодателя понимали и сами граждане, поскольку, как отмечал Д.И. Мейер, именно им приходится сообразовывать с ней свои действия⁴.

В этом отношении вполне конкретное содержание ч. 1 ст. 29 УК РФ, устанавливающей критерий, позволяющий признать преступление оконченным, не может не вызвать затруднения при применении ст. 126 УК РФ. Таким критерием является «наличие всех признаков состава преступления, предусмотренного уголовным законом». В решениях же судов приводится следующее суждение: «В силу требований уголовного законодательства похищение человека считается оконченным преступлением с момента захвата и начала его перемещения»⁵. Между тем процитированное положение не соответствует действительности, поскольку уголовный закон «молчит» по этому поводу, а в судебной практике имеются примеры иного восприятия этих подразумеваемых требований.

Так, 28 июня 2016 г. Т. был осужден приговором Георгиевского городского

³ Постановление Президиума ВС РФ от 17 мая 2000 г. № 207п2000 // СПС «КонсультантПлюс» (Документ опубликован не был).

⁴ Мейер Д.И. Русское гражданское право / под ред. А. Вишны. СПб. : Тип. Н. Тиблена, 1861. С. 36.

⁵ См., например: Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 12 марта 2020 г. по делу № 223-АПУ20-1. URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/2zzYwuAJ1E6X/>

суда к 5 годам лишения свободы по п. «в» ч. 2 ст. 126 УК РФ.

Приговор был изменен апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам 23 ноября 2016 г. Действия Т. переквалифицированы с п. «в» ч. 2 ст. 126 УК РФ на ч. 3 ст. 30, п. «в» ч. 2 ст. 126 УК РФ с наказанием в виде лишения свободы сроком 2 года 6 месяцев.

Спустя полгода (15 мая 2017 г.) дело было пересмотрено президиумом Ставропольского краевого суда кассационной инстанции.

В кассационном представлении указано на необоснованность квалификации судом апелляционной инстанции действий Т. как покушения на похищение человека, так как объективная сторона преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 126 УК РФ, Т. выполнена полностью, необоснованно также снижение ему наказания в два раза.

Президиумом, рассмотревшим кассационное представление, сделан вывод о необходимости отмены апелляционного определения ввиду существенного нарушения судом уголовного закона (неправильного его применения).

Так, судом апелляционной инстанции при решении вопроса о правильности квалификации действий Т. по п. «в» ч. 2 ст. 126 УК РФ сделан вывод, что суд первой инстанции допустил неправильное применение уголовного закона. При этом суд апелляционной инстанции в обосновании своего решения указал, что Т. совершил захват потерпевшей и ее перемещение с использованием автомобиля, но в ходе перемещения автомобиль был остановлен сотрудниками полиции, и потерпевшая была освобождена. Умысел Т. был непосредственно направлен на похищение человека, но по не зависящим от него обстоятельствам преступление не было доведено до конца. С учетом этого судебной коллегией действия Т. переквалифицированы с п. «в» ч. 2 ст. 126 УК РФ на ч. 3 ст. 30, п. «в» ч. 2 ст. 126 УК РФ — покушение

на похищение человека с применением насилия, опасного для здоровья.

Квалификация действий осужденного как покушения президиумом признана неправильной. Как следует из установленных судом первой инстанции фактических обстоятельств, Т. похитил Х. в присутствии посторонних лиц, т.е. против воли, применяя опасное для здоровья насилие, вывел потерпевшую из дома, поместил в такси под управлением К., после чего, удерживая и продолжая применять к потерпевшей насилие, стал перемещать (перевозить) ее по направлению в г. Г., но по пути следования сотрудниками ДПС автомобиль был остановлен, а потерпевшая освобождена.

Апелляционной инстанцией не учтено, что состав преступления похищения человека, будучи формальным, считается оконченным с момента захвата и начала перемещения. Задержание полицейскими автомашины, в которой перемещалась и удерживалась Х. (т.е. после ее захвата и начала перемещения), и пресечение преступных действий Т. на квалификацию предусмотренного ст. 126 УК РФ преступления не влияют. Неправильное применение апелляционной инстанцией уголовного закона повлекло незаконное изменение приговора в части назначения наказания. Апелляционное определение нельзя признать законным, оно подлежит отмене, а уголовное дело — направлению на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции⁶.

Из приведенного примера усматривается, что судами апелляционной и кассационной инстанций по одному и тому же делу вынесены противоречащие друг другу решения, но в качестве их обоснований приведена тождественная формулировка — «неправильное

⁶ Постановление президиума Ставропольского краевого суда кассационной инстанции от 15 мая 2017 г. № 44У-103/2017 4У-129/2017 У-179/17 по делу № 1-28/16. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/9uVf9gmKiHmS>

применение уголовного закона». Наличие подобных ситуаций свидетельствует о затруднениях в правильном восприятии содержания ст. 126 УК РФ, обусловленных отсутствием в ней дефинитивного положения, что не способствует обеспечению правильности и единообразия понимания закона, а также определенности юридического регулирования.

Безусловно, разъяснения Верховного Суда РФ, в особенности в постановлении Пленума 24 декабря 2019 г. № 58⁷, призваны обеспечить единообразное применение судами норм закона. Потребность в единообразной судебной практике обусловлена принципом правовой определенности, но представляется очевидным, что последняя должна исходить из однозначных положений закона, а не из самой правоприменительной практики и ее обобщения, поскольку, как подчеркивается Конституционным Судом РФ, одним из критериев законности установления уголовной ответственности является точность и недвусмысленность определения криминообразующих признаков в нормах уголовного закона⁸.

Обращение к нормам уголовного законодательства стран СНГ показало, что определение похищения человека содержится в кодексах лишь пяти из них, но и в их отношении можно высказать некоторые критические замечания. Так, согласно нормам ст. 182 УК Беларуси⁹ и ст. 130 УК Таджикистана¹⁰, похищение

человека — это «тайное, открытое, путем обмана или злоупотребления доверием или соединенное с насилием либо с угрозой применения насилия противоправное завладение лицом». Полагаем, что отражение в определении единственного криминообразующего признака преступления (противоправное завладение) не способствует отграничению данного состава от смежного ему незаконного лишения свободы. Что касается отграничения от захвата заложника, то в нормах, определяющих похищение человека, кодексов каждой из пяти стран СНГ содержится уточнение — «при отсутствии признаков преступления», предусмотренной соответствующей нормой, регламентирующей ответственность за захват заложника. Понятно, что чаще всего отсылочный характер норм обусловлен стремлением к краткости формулировок правовых предписаний. Вместе с тем такой характер нормативного изложения материала затрудняет его восприятие.

Согласно ст. 131 УК Армении¹¹, похищение человека — это «тайное или открытое похищение человека путем обмана, злоупотребления доверием, насилия или угрозы применения насилия». Обращает на себя внимание не только тавтологичность определения, но и то, что оно содержит только способ совершения преступления без указания на квалифицирующие признаки его состава. В свою очередь, в определении похищения человека, отраженном в ст. 126 УК Туркменистана¹², указываются лишь возможные цели совершения данного преступного деяния, причем не исчерпывающие. Как следует из содержания указанной нормы, таковыми могут являться, во-первых, получение выкупа и, во-вторых, совершение (не-

⁷ О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 декабря 2019 г. № 58 // БВС РФ. 2020. № 3.

⁸ По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина: Постановление Конституционного Суда РФ от 10 февраля 2017 г. № 2-П // СЗ РФ. 2017. № 9. Ст. 1422.

⁹ Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июня 1999 г. № 275-З (по сост. на 11.11.2019) // НПИ-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravu.by/document/?guid=3871&p0=Hk9900275>

¹⁰ Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 г. № 574 (по сост. на 07.08.2020).

URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397325#pos=8;-106

¹¹ Уголовный кодекс Республики Армения от 29 апреля 2003 г. № ЗР-528 (по сост. на 09.09.2020). URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1349&lang=rus#17>

¹² Уголовный кодекс Туркменистана от 12 июня 1997 г. № 222-1 (по сост. на 22.08.2020). URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31295286

совершение) в интересах похитителя (или иного лица) каких-либо действий. Между тем, например, в Йошкар-Оле в отношении 33-летней жительницы 23 марта 2020 г. возбуждено уголовное дело по подозрению в похищении младенца из республиканского перинатального центра, где у нее произошел выкидыш. В день выписки женщина вошла в пустую палату и выкрала новорожденную девочку¹³. Очевидно, что подобного рода мотивация совершения преступления не охватывается содержанием ст. 126 УК Туркменистана.

Развернутое определение похищения человека содержится только в УК Кыргызской Республики¹⁴ (ст. 170): под ним понимается «похищение лица помимо его воли, сопровождаемое перемещением с места его постоянного или временного пребывания с последующим удержанием в месте, отличном от его местопребывания, совершенное путем захвата, обмана или с применением насилия, не опасного для жизни и здоровья, либо угрозы применения такого насилия». Возражение вызывает лишь наличие тавтологии, у которой, как верно отмечает Н.Д. Даминава, нет такого крайне важного свойства, как четкая конкретизация правовых свойств понятия, поскольку последнее раскрывается через самого себя¹⁵.

В этом отношении выработанное российской судебной практикой определение похищения человека выгодно отличается от всех вышеприведенных, поскольку в нем четко выделяются все квалифицирующие признаки данного состава. Так, в принимаемых Верховным Судом РФ актах под похищением человека понимаются противоправные

умышленные действия, сопряженные с тайным или открытым завладением (захватом) живого человека, перемещением его с постоянного или временного местонахождения в другое место и последующим удержанием в неволе. В этой связи полагаем, что назрела необходимость отразить данное определение в уголовном законе. Вместе с тем нами разделяется точка зрения ученых, считающих целесообразным заменить в нем термин «захват», используемый в ст. 206 УК РФ и отражающий большую степень общественной опасности преступления, на понятие «изъятие»¹⁶. При сопоставлении данных терминов усматривается представляющееся существенным различие в сопутствующем значении этих языковых единиц. Так, согласно этимологическим источникам, для понятия «захват» таковым является «силой завладеть кем-либо»¹⁷. Но если признак является существенным, то он должен принадлежать каждому случаю, а похищение человека может быть реализовано путем обмана, т.е. без применения силы. По Далю, само понятие «хищение» предполагает «завладение, присвоение себе чужого»¹⁸. В свою очередь, согласно справочной юридической литературе, термин «хищение» раскрывается через понятие «противоправное изъятие»¹⁹, чем, на наш взгляд, подтверждается предпочтительность использования в дефиниции похищения человека именно понятия «изъятие». Сопутствующее значение последнего передают понятия «удалить, исключить, вынуть»²⁰, т.е. предполагается, что изымаемое не остается на прежнем месте, что как раз и характерно для похи-

¹³ От горя: россиянка похитила чужого младенца после выкидыша. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2020/03/24/13020181.shtml>

¹⁴ Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 2 февраля 2017 г. № 19 (по сост. на 24.07.2020). URL: https://online.zakon.kz/m/document?doc_id=34350840#sub_id=1700000

¹⁵ Даминава Н.Д. Тавтология в законодательстве как результат правотворческих ошибок // Известия вузов (Кыргызстан). 2015. № 5. С. 300.

¹⁶ Подройкина И.А. Вопросы квалификации похищения человека: краткий обзор судебной практики // Наука и образование. 2020. № 5 (120). С. 108.

¹⁷ Этимологический словарь русского языка. СПб.: Полиграфсервис, 2005. С. 348.

¹⁸ Даль В.И. Толковый словарь русского языка. М.: Эксмо, 2006. С. 694.

¹⁹ Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева. М.: ИНФРА-М, 2004. С. 666.

²⁰ Этимологический словарь русского языка. С. 312.

щения человека. Акцент в выработанном судебно-следственной практикой определении содержания понятия «похищение человека» в первую очередь делается на удержании похищенного лица (или его цели) в ином, не привычном для этого лица месте. При этом заметим, что использование термина «изъятие» является не менее устоявшимся в практике применения ст. 126 УК РФ по сравнению с использованием термина «захват»²¹, поскольку во многих судебных решениях приводится следующая формулировка: «основным моментом объективной стороны данного преступления является изъятие и перемещение потерпевшего с

целью последующего удержания в другом месте»²².

Думается, что законодатель должен быть заинтересован в том, чтобы правильный смысл нормы воспринимался сразу, без приложения дополнительных интеллектуальных усилий. В связи с этим полагаем, что процесс применения нормы о похищении человека существенно облегчился, если бы в ней было отражено дефинитивное положение с указанием на все квалифицирующие признаки состава преступления.

²¹ Тараненко В.В., Харитонов С.С., Решняк М.Г., Борисов С.В. Актуальные проблемы совершенствования уголовно-правовых мер противодействия похищению человека, незаконному лишению свободы, торговле людьми и использованию рабского труда // Всероссийский криминологический журнал. 2020. № 3. С. 484.

²² См., например: Приговор от 10 сентября 2018 г. № 1-15/2018 1-226/2017 по делу №1-15/2018. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/L57bk3YThLU/>; Приговор от 4 мая 2017 г. № 1-11/2017 1-231/2016 по делу № 1-11. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ccNlGmYQuNln/>; Приговор от 18 ноября 2016 г. № 1-10/2016 1-35/2015 1-576/2014 по делу №1-10/2016. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/VZWwyXVPifgC/>; Приговор от 26 ноября 2015 г. № 1-38/2015 по делу № 1-38/2015. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/zRR3CHbFXT58/> и др.

Литература

1. Авдеева Е.В. Преступления против свободы личности в Российской Федерации / Е.В. Авдеева // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 2. С. 207–216.
2. Большой юридический словарь / под редакцией А.Я. Сухарева. Москва : ИНФРА-М, 2004. 704 с.
3. Даль В.И. Толковый словарь русского языка / В.И. Даль. Москва : Эксмо, 2006. 736 с.
4. Даминова Н.Д. Тавтология в законодательстве как результат правотворческих ошибок / Н.Д. Даминова // Известия вузов (Кыргызстан). 2015. №5. С. 300–302.
5. Мейер Д.И. Русское гражданское право / Д.И. Мейер ; под редакцией А. Вицына. Санкт-Петербург : Тип. Н. Тиблена, 1861. 367 с.
6. Подройкина И.А. Вопросы квалификации похищения человека: краткий обзор судебной практики / И.А. Подройкина // Наука и образование. 2020. № 5. (120). С. 107–111.
7. Тамбовцева Г.М. Преступность как одна из угроз национальной безопасности России / Г.М. Тамбовцева // Аграрное и земельное право. 2019. № 6 (174). С. 137–140.
8. Тараненко В.В. Актуальные проблемы совершенствования уголовно-правовых мер противодействия похищению человека, незаконному лишению свободы, торговле людьми и использованию рабского труда / В.В. Тараненко, С.С. Харитонов, М.Г. Решняк, С.В. Борисов // Всероссийский криминологический журнал. 2020. № 3. С. 481–494.
9. Этимологический словарь русского языка / составитель Г.А. Крылов. Санкт-Петербург : Полиграфуслуги, 2005. 432 с.

Упрощенные производства по гражданским делам в зарубежном законодательстве и судебной практике

Крымский Даниил Игоревич,

доцент Департамента систем судопроизводства и уголовного права факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), кандидат юридических наук
dkrymskiy@hse.ru

Введение упрощенных форм разрешения споров в судах направлено на достижение целей сокращения издержек, снижения формализма, ускорения процесса судопроизводства. Упрощенные производства на современном этапе приобретают главенствующее положение в системе порядков разрешения дел, в связи с чем представляется важным анализ этих правил в контексте зарубежного законодательства и правоприменительной практики.

Ключевые слова: упрощенное производство, приказное производство, гражданский процесс, реформирование судопроизводства.

Summary Proceedings in Civil Cases in Foreign Laws and Judicial Practice

Krymskiy Daniil I.

Associate Professor of the Department of Systems of Judicial Proceedings and Criminal Law of the Law Faculty of the National Research University Higher School of Economics (NRU HSE)
PhD (Law)

The introduction of simplified forms of dispute resolution in courts is aimed at achieving the goals of reducing costs, reducing formalism, and speeding up the process of legal proceedings. Simplified proceedings at the present stage are acquiring a dominant position in the system of procedures for resolving cases, from this point of view, it is important to analyze these rules in the context of foreign legislation and law enforcement practice.

Keywords: simplified proceedings, order for payment procedure, civil procedure, judicial reform.

Упрощенные формы судопроизводства на современном этапе. В большинстве стран процессуальным кодексам известны те или иные формы упрощенных производств (это могут быть специальные процедуры разрешения споров по делам с малой ценой иска, а также производства «приказного» типа по бесспорным требованиям и другие процедуры). Несмотря на различие моделей и существующую типологию упрощенных производств, существенные черты, цели и задачи таких производств в значительной степени совпадают¹. Это связано с тем,

что процессуальные системы сталкиваются с одним и тем же набором проблем на современном этапе своего развития (длительность процесса рассмотрения и разрешения дел, высокие издержки правосудия для участвующих в нем лиц и для государства, перегруженность судов).

Зарубежные исследователи отмечали, что судебная процедура должна быть более простой и менее затратной по большинству дел, а общая (обычная) процедура должна применяться для более существенных споров². Фактически упрощенная процедура со временем замещает общий способ рассмотрения дел³:

¹ Что позволило выработать наднациональные правила и в целом иллюстрирует тенденцию по сближению процессуального права на региональном уровне. См.: Брановицкий К.Л. Сближение гражданского процессуального права в Европейском союзе и на постсоветском пространстве (сравнительно-правовой аспект): дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2019.

² Zuckerman, A.A.S. A Reform of Civil Procedure: Rationing Procedure Rather Than Access to Justice // *Journal of Law and Society*. 1995. Vol. 22. No. 2. P. 157–159.

³ Крымский Д.И. Упрощенные производства в гражданском процессе зарубежных стран: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 34–36.

законодательные изменения и статистические данные последних лет показывают, что такое замещение практически реализовалось.

Отчасти такие изменения связаны и со все большим распространением споров потребителей. Не секрет, что в европейском наднациональном процессуальном праве во главу угла поставлены именно потребитель и защита его прав на пространстве Европейского союза (ЕС). Развиваются и механизмы ADR, а также онлайн-разрешения споров⁴ (последнее получило особую значимость в связи с пандемией, когда отправление традиционного правосудия во многом затруднено).

Хотя тенденция к упрощению судопроизводства проявилась достаточно давно, развитие упрощенных производств еще далеко от завершения. Процессуальные правила упрощенных производств постоянно совершенствуются, а сами производства укрепляют свои позиции среди иных порядков рассмотрения дел и занимают главенствующее положение в системе порядков рассмотрения дел. Так, в России в упрощенных процедурах уже рассматривается более 75% гражданских и административных дел в судах общей юрисдикции и почти 60% дел в арбитражных судах⁵.

Дальнейшее реформирование упрощенных производств в мировой практике происходит по целому ряду направлений, однако в значительной степени они развиваются по схожему пути.

⁴ См., к примеру: Регламент ЕС от 21 мая 2013 г. № 524/2013 об онлайн-рассмотрении споров потребителей. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2013/524/oj> (дата обращения: 25.10.2020) и Директиву ЕС от 21 мая 2013 г. № 2013/11/EU об альтернативном рассмотрении споров потребителей. URL: <http://data.europa.eu/eli/dir/2013/11/oj> (дата обращения: 25.10.2020). В целом происходит совершенствование и расширение использования информационных технологий в судопроизводстве, катализатором которых являются и обстоятельства периода мировой пандемии. Так, Минюстом России разработан проект закона, которым предлагается урегулировать вопросы удаленного участия в судебном заседании, подачи в суд электронных документов, а также извещения участников судебного процесса. URL: <https://minjust.gov.ru/gu/events/48163/> (дата обращения: 25.10.2020).

⁵ ВС предлагает избавляться от «сомнительных и безнадежных исков» повышенной госпошлиной // Новости ИАРАПСИ. 23.10.2020. URL: http://garpnews.ru/judicial_news/20201023/306430020.html (дата обращения: 25.10.2020).

Так, практически повсеместно повышается ценовой порог для «малозначительных» дел (дел с малой ценой иска), рассматриваемых в упрощенном порядке. В ЕС по делам с малой ценой иска⁶ с 14 июля 2017 г. сумма требования повышена с 2 000 до 5 000 евро (Регламент ЕС от 16 декабря 2015 г. № 2015/2421)⁷. В Онтарио (Канада) с 1 января 2020 г. вступили в силу изменения, согласно которым упрощенная процедура в обычных судах будет доступна по гражданским делам для исков на сумму до 200 000 долл. (прежними правилами предусматривалась сумма до 100 000 долл.), а к компетенции судов малых исков отнесены теперь дела с ценой иска до 35 000 долл. вместо существовавшего ранее ограничения в 25 000 долл.⁸ Последние реформы во Франции направлены, среди прочего, и на совершенствование администрирования малозначительных дел: с 1 января 2020 г. по делам до 5 000 евро обязательным является предварительное досудебное использование механизмов ADR⁹. В России также был повышен порог дел (хотя и не так радикально, как предлагалось изначально)¹⁰, и есть все основания полагать, что порог будет повышаться и далее.

В связи с развитием упрощенных форм судопроизводства требуется и

⁶ Регламент ЕС от 11 июля 2007 г. № 861/2007. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2007/861/oj> (дата обращения: 25.10.2020).

⁷ При этом изначально обсуждался вариант увеличения до 10 тыс. евро.

⁸ Регламентом Онтарио от 23 октября 2020 г. № 344/19 внесены изменения в Правила гражданского судопроизводства относительно упрощенного производства (Правило 76), которые были введены в действие с 1 января 2020 г. URL: <https://www.ontario.ca/laws/regulation/r19344> (дата обращения: 25.10.2020).

⁹ См. вступившие в силу с 1 января 2020 г. масштабные изменения гражданского судопроизводства, предусмотренные Законом от 23 марта 2019 г. № 2019-222. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000038261631> (дата обращения: 25.10.2020), Декретом от 11 декабря 2019 г. № 2019-1333. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000039480084> (дата обращения: 25.10.2020).

¹⁰ См. изначальный законопроект № 383208-7. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/383208-7> (дата обращения: 25.10.2020) и впоследствии одобренный Федеральный закон от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

новы
извод
катег
След
судог
класс
пами
и уску
связи
заруб
и пра
П
обще
проц
шенн
рассм
речь с
диния
для п
в тра
на ст
треби
прим
взыс
жет с
П
«при
цеду
ЕС о

¹¹ Как
суал
суде
ны:
диа
дов
ассе
18-
Д.Я
про
Кри
в г
дис
¹² См.
ско
дис
The
for
Web
¹³ Плю
гра
лес
(сп
юр
186
гра
пре
Гар
в с
рез
ски
прс

новый подход к принципам судопроизводства и иным фундаментальным категориям процессуального права¹¹. Следует «примирить» новые формы судопроизводства с традиционными, классическими правилами и принципами, определить пределы упрощения и ускорения судопроизводства¹². В этой связи целесообразно анализировать как зарубежный законодательный опыт, так и правоприменительную практику.

Практика Суда ЕС. С введением общеевропейских (наднациональных) процедур рассмотрения споров в упрощенном порядке¹³ они стали предметом рассмотрения Суда ЕС. Можно вести речь о корпусе схожих дел, которые объединяет одна из наиболее чувствительных для права ЕС тем — защита потребителей в трансграничном аспекте. Суд ЕС стоит на страже интересов слабой стороны (потребителя), принимая во внимание, что применение упрощенных процедур по взысканию долгов в отношении них может сопровождаться злоупотреблениями.

Применительно к производствам «приказного» типа (в частности, процедуре, предусмотренной Регламентом ЕС от 12 декабря 2006 г. № 1896/2006) в

европейской литературе¹⁴ обычно упоминаются решения Суда ЕС по делам *Banco Español de Crédito SA* (дело С-618/10), *ERSTE Bank Hungary Zrt.* (дело С-32/14), *Finanmadrid EFC SA* (дело С-49/14), *Collect Inkasso OÜ* (дело С-289/17), *Profi Credit Polska S.A.* (дело С-176/17), *Catlin Europe SE* (дело С-21/17), *Thomas Cook Belgium NV* (дело С-245/14), *Flight Refund Ltd* (дело С-94/14), *ZSE Energia, a.s.* (дело С-627/17) и ряд схожих дел.

В этих делах Суд ЕС анализирует вопросы дискреции суда и глубины проверки судом обстоятельств в рамках упрощенных производств: должен ли суд формально оценивать заявленные требования, не производя их проверку и не перекладывая бремя возражений или иной реакции полностью на должника-потребителя, либо исследовать условия сделок, лежащих в основе взыскиваемого долга, на предмет их законности?

В недавнем деле *Bondora* (решение от 19 декабря 2019 г. по объединенным делам С-453/18 и С-494/18)¹⁵ Суд ЕС разъяснил порядок действий судьи, рассматривающего заявление о выдаче приказа об оплате на основании Регламента ЕС от 12 декабря 2006 г. № 1896/2006.

В этих делах кредитор потребовал погашения выданной потребителю ссуды, запросив у суда выдачу приказа об оплате. Испанский суд потребовал от кредитора предоставить основной контракт для осуществления контроля *ex officio* наличия в договоре несправедливых условий, как это требуется в соответствии с директивой от 5 апреля 1993 г. «О несправедливых условиях в договорах с потребителями»¹⁶. Кредитор отказался, аргументируя это тем, что представление договора, послужившего основанием

¹¹ Как отмечал известный зарубежный процессуалист Марсель Сторм, основные принципы судебной процедуры должны быть пересмотрены. См.: Гражданский процесс в межкультурном диалоге: Евразийский контекст: сборник докладов Всемирной конференции Международной ассоциации процессуального права (г. Москва, 18–21 сентября 2012 г.) / под ред. д.ю.н. Д.Я. Малешина; Международная ассоциация процессуального права. М.: Статут, 2012. С. 26; Крымский Д.И. Упрощенные производства в гражданском процессе зарубежных стран: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 162–163.

¹² См.: Михеев П.В. Пределы ускорения гражданского и административного судопроизводства: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020; Pesudovs, A. The civil procedure principles as the essential basis for undisputed enforcement of obligations // SHS Web of Conferences. 2018. Vol. 51.

¹³ Подробнее см.: Брановицкий К.Л. Сближение гражданского процессуального права в Европейском союзе и на постсоветском пространстве (сравнительно-правовой аспект): дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2019. С. 137–139, 186–201; Терехов В.В. О понятии европейского гражданского процесса // Вестник гражданского процесса. 2015. № 4. С. 84–112; Крымский Д.И. Гармонизация гражданского судопроизводства в странах Европейского Союза: достигнутые результаты и перспективы развития // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. 2010. № 7. СПб., 2011. С. 218–233.

¹⁴ См., например: Howells, G., Twigg-Flesner, C., Wilhelmsson, T. Rethinking EU Consumer Law. London: Routledge, 2018. P. 157, 159; Lenaerts, K., Maselis, I., Gutman, K. EU Procedural Law. OUP Oxford, 2014. P. 136; Craig, P., De Búrca, G. EU Law: Text, Cases, and Materials. Oxford University Press, 2015. P. 241.

¹⁵ URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:62018CJ0453> (дата обращения: 25.10.2020).

¹⁶ См. также § 32 Решения Суда ЕС 2009 года по делу *Pannon GSM Zrt. v. Erzsébet Sustikné Györfi* (дело С-243/08). URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX:62008CJ0243> (дата обращения: 25.10.2020).

для подачи заявления о выдаче приказа, не фигурирует среди условий, перечисленных в статье 7 (2) Регламента № 1896/2006 и испанском национальном законодательстве.

Суд ЕС постановил, что суд вправе запросить дополнительную информацию, касающуюся условий соглашения. Помимо принципа защиты потребителей, закрепленного в ст. 38 Хартии основных прав ЕС¹⁷, Суд ЕС сослался на форму, прилагаемую к Регламенту № 1896/2006, согласно которой кредитор *может* предоставить дополнительную информацию о своем требовании. Однако в этой норме речь идет о праве, а не обязанности по предоставлению такой информации. Таким образом, Суд поставил защиту потребителей в соответствии с Директивой о несправедливых условиях в приоритет над эффективным исполнением требований, предусмотренных Регламентом № 1896/2006. Тем самым Суд ЕС фактически добавил новое требование для тех случаев, когда рассматриваемый спор касается потребителей: суд всегда должен запрашивать договорные документы в делах потребителей, для того чтобы осуществить проверку условий договора на предмет их справедливости до вынесения своего решения.

Практика ЕСПЧ. ЕСПЧ периодически рассматривает жалобы, связанные с применением национальными судами правил упрощенных производств. Суд распространил на такие производства гарантии и принципы общего порядка рассмотрения дел (ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г.)¹⁸, одновременно учитывая и специфику упрощенных процедур.

В деле «*Пенкя против Эстонии*» (*Põnkä v. Estonia*) (Постановление от 8 ноября 2016 г. по жалобе № 64160/11)¹⁹

¹⁷ URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/treaty/char_2012/oj (дата обращения: 25.10.2020).

¹⁸ См. дела «Микаллеф против Мальты» (*Micallef v. Malta*) (Постановление от 15.10.2009 по жалобе № 17056/06), «Круз де Карвальо против Португалии» (*Cruz de Carvalho v. Portugal*) (Постановление от 10.07.2007 по жалобе № 18223/04), «Бейс против Греции» (*Beis v. Greece*) (Постановление от 20.03.1997 по жалобе № 22045/93); Крымский Д.И. Упрощенные производства в гражданском процессе зарубежных стран: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 175–179.

¹⁹ URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-168375> (дата обращения: 25.10.2020).

рассматривался вопрос об обязательности устного слушания в упрощенном производстве при наличии ходатайства о таком слушании со стороны участника процесса. В этом деле ЕСПЧ установил нарушение права заявителя на устное слушание.

ЕСПЧ, ссылаясь на собственную практику, напомнил, что право на «публичное слушание» по смыслу п. 1 ст. 6 Конвенции влечет за собой право на «устное слушание», если отказ от такого слушания не оправдан исключительными обстоятельствами, которые связаны с вопросами, подлежащими решению компетентным национальным судом. Такое отступление может быть оправданно, когда рассматриваются юридические или технические вопросы либо если в деле не имеется таких вопросов факта или права, которые не могут быть надлежащим образом решены на основе материалов дела и письменных объяснений сторон.

Суд также указал, что стороны должны иметь как минимум возможность ходатайствовать о проведении публичного слушания, даже если суд может отклонить такое ходатайство и провести слушание в закрытом порядке. ЕСПЧ указывает, что суды должны установить, необходимо ли устное слушание, при этом решение национального суда об избрании письменной процедуры должно содержать мотивы, по которым суд признал возможность рассмотрения дела без проведения слушания.

В рассматриваемом деле национальный суд не привел никаких оснований для вынесения решения по делу в рамках письменного производства, отказа от устного слушания и получения устных показаний от заявителя и указанных им свидетелей. Национальный суд ограничился лишь ссылкой на положение закона, устанавливающее пороговую сумму для дел, которые могут быть рассмотрены в письменном судопроизводстве, и указал, что такое разбирательство может быть применено, если у стороны возникнут значительные трудности явки в суд ввиду длительности своего пути или по другой причине. Однако суд не обосновал, почему это положение было применимо в деле заявителя, несмотря на просьбу заявителя.

ЕС
ответст
11 июля
процед
ценой
жения
суд до
причи
ния.
Вы
прави
ставля
содерж
упрош
«обле
тельно
водств
ской»
долже
явлен
докум
ности
произ
умень

²⁰ См.:
упро
цессе
2013

Ли
1.

2.

3.

4.

5.

6.

7.

8.

9.

10

ЕСПЧ также отметил, что, в соответствии со ст. 5 Регламента ЕС от 11 июля 2007 г. № 861/2007 о европейской процедуре рассмотрения дел с малой ценой иска, на которой основаны положения эстонского закона, национальный суд должен был письменно объяснить причины отказа от устного слушания.

Выводы. Примеры судебной оценки правил упрощенных производств заставляют задуматься в первую очередь о содержании деятельности суда в рамках упрощенных производств. Несмотря на «облегченный» процесс судебной деятельности в рамках упрощенных производств, роль суда не сводится к «технической» или пассивной: суд не может и не должен отказаться от исследования заявленных требований и представленных документов на предмет их обоснованности²⁰. Это означает, что упрощенные производства существенным образом не уменьшают нагрузку на судью: несмотря

на то что участники процесса не присутствуют в суде и заседание не проводится, с суда не снимается обязанность по выяснению обстоятельств дела. Не случайно некоторые зарубежные исследователи указывали, что «простые» (малозначительные) дела на самом деле не менее сложные, а «суммарные производства» едва ли не превосходят по нагрузке и трудозатратам обычный порядок рассмотрения дел²¹.

Второе замечание касается права быть заслушанным. Это право может разумно ограничиваться в упрощенных производствах, однако при должном обосновании: в случае необходимости установления дополнительных обстоятельств либо если участник разбирательства ходатайствует о таком слушании, суду следует предпринять действия по обеспечению реализации такого права либо указать мотивы, по которым устное разбирательство с учетом конкретных обстоятельств дела не требуется.

²⁰ См.: Крымский Д.И. Год действия обновленного упрощенного производства в арбитражном процессе: некоторые итоги // Московский юрист. 2013. № 3. С. 39, 42.

²¹ Wood, D.P. Summary Judgment and the Law of Unintended Consequences. *Oklahoma City University Law Review*. 2011. Vol. 36. No. 1. P. 231–251.

Литература

1. Брановицкий К.Л. Сближение гражданского процессуального права в Европейском союзе и на постсоветском пространстве : сравнительно-правовой аспект : диссертация доктора юридических наук / К.Л. Брановицкий. Екатеринбург, 2019. 447 с.
2. Гражданский процесс в межкультурном диалоге: Евразийский контекст : сборник докладов Всемирной конференции Международной ассоциации процессуального права (г. Москва, 18–21 сентября 2012 г.) / под ред. Д.Я. Малешина. Москва : Статут, 2012. 718 с.
3. Михеев П.В. Пределы ускорения гражданского и административного судопроизводства : диссертация кандидата юридических наук / П.В. Михеев. Москва, 2020. 189 с.
4. Терехов В.В. О понятии европейского гражданского процесса / В.В. Терехов // Вестник гражданского процесса. 2015. № 4. С. 84–112.
5. Craig, P. *EU Law: Text, Cases, and Materials* / P. Craig, G. De Búrca. 6th ed. Oxford : Oxford University Press, 2015. 1198 p.
6. *EU Procedural Law* / eds. by K. Lenaerts, I. Maselis, K. Gutman. Oxford : Oxford University Press, 2014. 890 p.
7. Howells, G. *Rethinking EU Consumer Law* / G. Howells, C. Twigg-Flesner, T. Wilhelmsson. London : Routledge, 2018. 350 p.
8. Pesudovs, A. The civil procedure principles as the essential basis for undisputed enforcement of obligations / A. Pesudovs // SHS Web of Conferences. 6th International Interdisciplinary Scientific Conference 'Society. Health. Welfare' (Rīga, 23–25 November 2016). Part II. Rīga : Rīga Stradiņš University, 2018. Vol. 51. 384 p.
9. Wood, D.P. Summary Judgment and the Law of Unintended Consequences / D.P. Wood // *Oklahoma City University Law Review*. 2011. Vol. 36. Iss. 1. P. 231–251.
10. Zuckerman, A.A.S. A Reform of Civil Procedure: Rationing Procedure Rather Than Access to Justice / A.A.S. Zuckerman // *Journal of Law and Society*. 1995. Vol. 22. Iss. 2. P. 155–188.

Осуществление конституционного правосудия в Люксембурге и Лихтенштейне: зарубежный опыт

Юн Лариса Владимировна,

старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин
Казанского филиала Российского государственного университета правосудия,
кандидат юридических наук
yun.lara@yandex.ru

В статье рассматриваются вопросы осуществления конституционного правосудия в Великом герцогстве Люксембург и княжестве Лихтенштейн. Автором проводится сравнительно-правовой анализ конституционных норм, закрепленных в национальном законодательстве рассматриваемых государств. В Люксембурге одной из особенностей конституционного правосудия является рассмотрение дел при помощи предварительного конституционного контроля. В Лихтенштейне — проверка конституционности с учетом нововведений международных договоров.

Ключевые слова: правосудие, конституционный контроль, права и свободы человека и гражданина.

Exercising of Constitutional Justice in Luxembourg and Liechtenstein: The Foreign Experience

Yun Larisa V.

Senior Lecturer of the Department of State and Legal Disciplines
of the Kazan Branch of the Russian State University of Justice
PhD (Law)

The article deals with the implementation of constitutional justice in the Grand Duchy of Luxembourg and the Principality of Liechtenstein. The author carries out a comparative legal analysis of the constitutional norms enshrined in the national legislation of the states under consideration. In Luxembourg, one of the features of constitutional justice is the consideration of cases through preliminary constitutional review. In Liechtenstein, the constitutionality is checked taking into account the innovations of international treaties.

Keywords: justice, constitutional control, human and civil rights and freedoms.

Конституционное правосудие является важным гарантом защиты, охраны и соблюдения конституционных прав и свобод человека и гражданина. Конституционное правосудие в различных европейских государствах существенно отличается, так как оно очерчено индивидуальными и уникальными признаками и чертами. В данной статье мы рассмотрим осуществление конституционного правосудия в Люксембурге и Лихтенштейне. Так, согласно Закону от 27 июля 1997 г. «Об организации Конституционного суда» высший судебный орган конституционного контроля определяет соответствие законов Конституции в порядке, определенном этим законом, за исключением тех, которые утверждают договоры.

Конституционный суд состоит из девяти судей, а именно президента, вице-президента и семи советников. Назначение на должность осуществляется великим герцогом¹.

Председатель Высшего суда, председатель административного суда и два советника суда представляют кассационную инстанцию. Другие пять членов Конституционного суда должны обладать статусом магистрата и назначаются Великим герцогом по совместному мнению Высшего и Административного судов.

По каждому вакантному месту на общем собрании представляются три

¹ Сайт Конституционного суда Великого герцогства Люксембург. URL: <https://justice.public.lu/fr/organisation-justice/cour-constitutionnelle.html> (дата обращения: 01.11.2020).

кандидата (презентация каждого проходит отдельно).

Что же касается компетенций Конституционного Суда Люксембурга, можно сказать о том, что суд рассматривает в предварительном порядке вопрос, который затрагивает соответствие Конституции. При помощи декретов Конституционный Суд постановляет соответствие законов основному закону государства. В том случае, если одна из сторон считает, что необходимо проверить закон на соответствие Конституции, суд обязан обратиться в Конституционный суд.

Решение Конституционного суда публикуются в официальном журнале Великого герцогства Люксембург в течение тридцати дней со дня их поступления в редакцию журнала.

Впервые о конституционном правосудии в Люксембурге заговорили после окончания Второй мировой войны в 1950 г.²

После пересмотра Билля о правах в Люксембурге возникли идеи о введении судебного конституционного контроля.

Конституционный суд Люксембурга относится к системе европейских конституционных судов, осуществляет в основном предварительный судебный конституционный контроль.

Судебные органы, действующие в одной континентальной (европейской) модели конституционного контроля, наделены общими признаками (являются частью судебной системы, контроль вводился постепенно в зависимости от исторических условий конкретного европейского государства, конституционно-правовой статус проявляется через их независимость, а также общие принципы права).

«Общие принципы права имеют общее значение для национального частного и публичного права, накладывающие обязательства на важнейшие публичные органы»³, в том числе судебные.

² Мирашева Е.В., Павликов С.Г., Сафонов В.Е. Судебный конституционный контроль в России и зарубежных странах: история и современность: монография. М.: Российский государственный университет правосудия, 2015. С. 169.

³ Должиков А.В. Общие принципы в эпоху конституционной идентичности (часть 2) // Журнал конституционного правосудия. 2020. № 1. С. 11–25.

В отличие от конституционного правосудия в Люксембурге эволюция конституционного судопроизводства в княжестве Лихтенштейн имеет длительную историю⁴.

История Государственного суда в Лихтенштейне связана с принятием Конституции 1921 г. Специальным законом должен быть учрежден Государственный суд как орган публичного права для защиты гражданских прав, разрешения споров (коллизий) юрисдикции и как дисциплинарный суд для государственных служащих.

После утверждения Государственного суда политики потребовали, чтобы суд состоял из большинства граждан Лихтенштейна и председатель был уроженцем Лихтенштейна⁵.

Конституционное развитие в Лихтенштейне прошло несколько этапов, важным из которых является изменение Конституции 2003 г. Одним из последних нововведений является проверка на соответствие Конституции международных договоров.

Целям деятельности Государственного суда Лихтенштейна служат защита конституционно гарантированных прав, в том числе для реализации принципа состязательности, проверка конституционности законов и международных договоров, решения по жалобам на выборах.

«Принцип состязательности в конституционном судопроизводстве в силу особенностей предмета доказывания имеет важные особенности. Является существенным аргументом для последующего обеспечения убедительности постановления Конституционного Суда»⁶.

Срок полномочий судей составляет пять лет. Ежегодно судьи избирают председателя и заместителя председателя суда.

После назначения судьями Государственного суда такие лица должны быть

⁴ Лебедев А.Б., Степаненко Р.Ф., Степаненко Г.Н. Взгляды на конституционализм в истории российской и зарубежной философско-правовой мысли // Образование и право. 2019. № 3. С. 214–218.

⁵ Сайт Государственного суда княжества Лихтенштейн. URL: <https://www.stgh.li/agenda> (дата обращения: 01.11.2020).

⁶ Сивицкий В.А. О некоторых аспектах состязательности в конституционном судопроизводстве // Журнал конституционного правосудия. 2020. № 1. С. 1–10.

освобождены от прежних должностей (государственный парламент, правительство, административные органы государства), так как совмещение недопустимо.

Перед началом работы судьи принимают клятву о неукоснительном соблюдении конституции и всех других законов, а также добросовестном исполнении своих обязанностей. В состав суда входят пять основных и пять дополнительных судей.

Процесс управления Государственным судом возложен на президента (он председательствует на переговорах, является руководителем аппарата трибунала, назначает секретаря для переговоров и совещаний, приносит клятву и мн. др.).

Обязательным элементом осуществления конституционного правосудия в Лихтенштейне является наличие пяти судей для ведения переговоров (судьи должны быть гражданами Лихтенштейна и иметь юридическую квалификацию).

Государственный суд принимает решения по жалобам, если заявитель утверждает о том, что окончательное решение нарушает одно из его конституционно гарантированных прав, обеспечиваемых при помощи международных конвенций.

По итогам рассмотрения жалобы суд принимает решение либо о ее удовлетворении, либо же об отказе и признании соответствующими норм закона конституции.

Государственный суд считается «венцом» Конституции 1921 г., так как следует сказать о том, что это был первый

европейский конституционный суд с широкими полномочиями по проверке конституционности окончательных судебных решений, законов и постановлений.

В 1995 году суд был присоединен к Европейской конвенции о правах человека и в 1982 г. к Европейскому экономическому пространству, тем самым расширив полномочия, позволяющие осуществлять проверку соответствия ЕКПЧ и ЕЭП представленных ему решений.

Государственный суд рассматривает деятельность законодательного органа административных властей при помощи функции всеобъемлющего контроля за нормами, посредством чего он может отменить неконституционные законы и постановления.

Обширные полномочия Государственного суда княжества Лихтенштейн придают ему значительную роль в деятельности судов конституционного контроля.

Резюмируя вышеизложенное, следует отметить, что осуществление конституционного правосудия в таких европейских государствах, как Великое герцогство Люксембург и княжество Лихтенштейн, очерчено своими уникальными особенностями и признаками. Одной из важных, определяющих целей осуществления конституционного судопроизводства в этих странах является охрана и защита конституционно гарантированных прав и свобод человека и гражданина.

Литература

1. Должиков А.В. Общие принципы в эпоху конституционной идентичности (часть 2) / А.В. Должиков // Журнал конституционного правосудия. 2020. № 1. С. 11–25.
2. Лебедев А.Б. Взгляды на конституционализм в истории российской и зарубежной философско-правовой мысли / А.Б. Лебедев, Р.Ф. Степаненко, Г.Н. Степаненко // Образование и право. 2019. № 3. С. 214–218.
3. Миряшева Е.В. Судебный конституционный контроль в России и зарубежных странах: история и современность : монография / Е.В. Миряшева, С.Г. Павликов, В.Е. Сафонов. Москва : Российский государственный университет правосудия, 2015. 304 с.
4. Сивицкий В.А. О некоторых аспектах состязательности в конституционном судопроизводстве / В.А. Сивицкий // Журнал конституционного правосудия. 2020. № 1. С. 1–10.

Императивные рекомендации: правовые позиции Конституционного Суда РФ об оценке доказательств

Махтык Святослав Олегович,

аспирант кафедры уголовного процесса

Московской академии Следственного комитета Российской Федерации,

заместитель руководителя третьего отдела по расследованию особо важных дел

следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Калужской области

makhtyuk@gmail.com

Автор предлагает к рассмотрению анализ актуальных решений Конституционного Суда РФ, затрагивающих вопросы оценки доказательств в уголовном судопроизводстве. В работе определены место и роль Конституционного Суда РФ и его решений в уголовно-правовой системе. Проанализированы правовые позиции Конституционного Суда РФ по вопросам оценки доказательств. Автором на основе рассмотренных решений предложены конкретные практические рекомендации по решению правовых вопросов в судебно-следственной практике.

Ключевые слова: оценка доказательств в уголовном судопроизводстве, решения Конституционного Суда РФ, недопустимые доказательства, судебное толкование, судебный прецедент.

Imperative Recommendations: Legal Views of the Constitutional Court of the Russian Federation on Evidence Evaluation

Makhtyuk Svyatoslav O.

Postgraduate Student of the Department of Criminal Procedure of the Moscow Academy of the

Investigative Committee of the Russian Federation

Deputy Head of the Third Major Case Investigation Department of the Investigative Directorate of the

Investigative Committee of the Russian Federation for the Kaluga Region

The author proposes for consideration an analysis of the current decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, concerning the assessment of evidence in criminal proceedings. The work defines the place and role of the Constitutional Court of the Russian Federation and its decisions in the criminal law system. Analyzed the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation on the assessment of evidence. On the basis of the considered decisions, the author offers specific practical recommendations for resolving legal issues in judicial and investigative practice.

Keywords: evaluation of evidence in criminal proceedings, decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, inadmissible evidence, judicial interpretation, judicial precedent.

В российском информационном пространстве с начала 2020 г. одну из лидирующих позиций занимала тема голосования по поправкам в Конституцию РФ. Вовлеченность граждан понятна: перемены важные, информация доступна, мнения различны.

Тогда же, в марте, свое заключение по предложенным поправкам вынес Конституционный Суд РФ (далее — КС РФ)¹. Решением от 16 марта 2020 г.

нововведения признаны соответствующими Конституции РФ, что являлось обязательным условием их дальнейшего рассмотрения.

Рассмотрение судьбоносных вопросов и принятие важнейших решений — рабочая практика для КС РФ. Созданный в качестве судебного органа конституционного контроля, КС РФ, как это справедливо отмечено в Федеральном конституционном законе № 1-ФКЗ, не только разрешает дела о соответствии Конституции РФ различного уровня нормативных актов, но и рассматривает жалобы на нарушение

¹ Заключение Конституционного Суда РФ от 16 марта 2020 г. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision459904.pdf> (дата обращения: 15.09.2020).

конституционных прав и свобод граждан, давая толкование Конституции РФ².

Словари определяют процесс толкования как объяснение, определение смысла чего-либо³. В этой связи и само по себе толкование Конституции, и рассмотрение жалоб на нарушение предусмотренных ею прав и свобод, и разрешение дел о соответствии Конституции нормативных актов — есть формы объяснения и определения ее смысла.

Традиция судебного толкования, несмотря на свое широкое распространение, воспринимается с разных, не всегда одобряющих позиций. Американский юрист, судья Федерального апелляционного суда Р. Познер отмечает, что «легитимность практик, в соответствии с которой комитет судей (применительно к правовой системе США. — Прим. автора) может ограничивать право демократического большинства на отображение его предпочтений в законодательстве, с давних пор была важным предметом спора в юридической профессии»⁴.

Вместе с тем, утверждает автор, «единственные структуры, интересующие сегодняшних философов права, — это структуры судебного обоснования. Философы до беспамьяства увлечены судами и не видят почти ничего, кроме вызывающего их восхищение решения дел в порядке конституционного надзора»⁵.

В российской правовой науке разнообразие подходов к пониманию института судебного толкования и

природы актов Конституционного Суда РФ нашло свое отражение, в том числе в работах профессора Н.Н. Ковтуна. Ученый отмечает, что акты Конституционного суда понимаются и как судебные прецеденты, и как правовые констатации или правовые обыкновения, и как решения преюдициального плана, и как правовые презумпции, и, что является особенно принципиальным, — как нормативные акты (акты правотворчества, легальные нормы)⁶.

Как теоретические обоснования, так и статистические показатели работы Конституционного Суда РФ (КС РФ)⁷ приводят нас к выводу о безусловной востребованности института конституционного толкования именно для граждан. Важность определения прикладного значения текста Конституции РФ отмечает Председатель КС РФ — Валерий Зорькин: «Заложенный в конституционном тексте глубокий правовой смысл позволяет адаптировать этот текст к меняющимся социально-правовым реалиям в рамках принятой в мировой конституционной практике доктрины “живой Конституции”»⁸.

Определение конституционности норм закона имеет особо острое значение в сфере уголовных и уголовно-процессуальных общественных отношений.

Федеральным конституционным законодательством предусмотрено, что КС РФ принимает решение по делу, оценивая как буквальный смысл рассматриваемого акта, так и смысл,

² Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ (ред. от 29.07.2018) «О Конституционном Суде РФ» // СПС «КонсультантПлюс».

³ Толковый словарь Ожегова С.И. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=31899> (дата обращения: 15.09.2020).

⁴ Познер Р. Рубежи теории права [Frontiers of Legal Theory] / пер. с англ. И.В. Кушнарева; под ред. М.И. Одинцовой; Науч. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». 2-е изд. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. С. 13.

⁵ Познер Р. Указ. соч. С. 25.

⁶ Ковтун Н.Н. Плеяда пяти немерцающих звезд-доминант, или Система российского уголовно-процессуального права в поисках доминанты и внутренней согласованности. URL: <https://www.iuaj.net/node/2746> (дата обращения: 15.09.2020).

⁷ Статистические сведения о работе Конституционного Суда РФ представлены на официальном сайте судебного органа. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Statistics/Pages/default.aspx> (дата обращения: 15.09.2020).

⁸ Зорькин В.Д. Буква и дух Конституции. URL: <https://rg.ru/2018/10/09/zorkin-nedostatki-v-konstitucii-mozhno-ustranit-tochechnymi-izmeneniami.html> (дата обращения: 15.09.2020).

придаваемый ему официальным и иным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из его места в системе правовых актов.

В действующей правовой системе императивно предусмотрена обязанность государственных органов и должностных лиц приводить по решению КС РФ законы и иные нормативные акты в соответствие с Конституцией РФ. Решение КС РФ обладает признаком непосредственности и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

Таким образом, конституционное производство превращается из абстрактной процедуры во вполне осязаемый способ защиты прав и законных интересов граждан в форме судебного толкования — полномочий суда, ссылаясь на Конституцию, отменять законодательные акты других ветвей власти⁹.

Настоящая работа представляет собой аналитику правовых позиций Конституционного Суда РФ, касающихся одного из ключевых институтов уголовного судопроизводства — оценки доказательств.

Обобщая и систематизируя решения судебного органа, мы не только рассматривали нарративы, высказанные напрямую, но и пытались выявить более глубокий смысл судебных актов в контексте заявляемых гражданами обращений.

В этой связи при оценке решений КС РФ использовался метод «фальсификации», ранее апробированный нами для частных случаев оценки доказательств¹⁰: непризнание неконституционными обжалуемых правовых норм может признавать допустимость их использования в уголовно-процессуальной практике.

⁹ Познер Р. Указ. соч. С. 22.

¹⁰ Махтук С.О. Опровержение опровержения как способ доказывания в уголовном процессе // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2020. № 1. С. 148–150.

Важно отметить, что КС РФ принимает не только решения, имеющие значение для устранения единичных правовых коллизий в оценке доказательств, но и решения, задающие общий вектор для теории доказывания в уголовном процессе.

К числу последних следует отнести Определение от 23 апреля 2020 г. № 1077-О¹¹. Решением подтверждены нормы уголовно-процессуального закона о запрете объективного вменения, а также воспроизведены положения о презумпции невиновности и следующей из нее обязанности суда подтверждать виновность подсудимого в совершении преступления совокупностью исследованных доказательств.

Рассматривая вопрос о допустимости произвольной оценки доказательств, КС РФ в январе 2020 г. вынес Определение от 30 января 2020 г. № 225-О¹² по делу об обжаловании ст. 17 Уголовно-процессуального кодекса РФ (УПК РФ), позволяющей якобы рассматривать уголовное дело без всестороннего и полного исследования всех обстоятельств.

В решении суд отметил, что обжалуемая норма не содержит каких-либо положений, допускающих произвольную оценку доказательств. Напротив, в ней в качестве принципа такой оценки закрепляется адресованное субъектам оценки доказательств требование не только исходить из своего внутреннего убеждения и совести, но и основываться на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств и руководствоваться законом, что должно исключать принятие необоснованных решений.

Стоит отметить, что часто поводом подачи жалоб в КС РФ является размытая формулировка ст. 75 УПК РФ о недопустимых доказательствах.

¹¹ Определение Конституционного Суда РФ от 23 апреля 2020 г. № 1077-О // СПС «КонсультантПлюс».

¹² Определение Конституционного Суда РФ от 30 января 2020 г. № 225-О // СПС «КонсультантПлюс».

Наряду с изложенным, в УПК РФ отсутствует понятие допустимости доказательства, что само по себе допускает сомнение: может ли доказательство быть признанным недопустимым в части? Решение данного вопроса послужило поводом для проверки конституционности ч. 1 ст. 75 УПК РФ.

В Определении от 30 января 2020 г. № 224-О¹³, оценив содержание указанной нормы, КС РФ разъяснил положения ст. 75 УПК РФ, указав, что доказательство, полученное с нарушением требований уголовно-процессуального закона, является недопустимым и не имеет юридической силы вовсе. Таким образом, по смыслу высказанной КС РФ позиции, признание доказательства частично недопустимым законом не предусмотрено.

Традиционно значимое место в решениях КС РФ, касающихся оценки доказательств по уголовным делам, занимают вопросы оценки протокола явки с повинной. Так, в феврале текущего года КС РФ рассматривался вопрос о том, позволяют ли ст. 75 и 142 УПК РФ использовать суду недопустимые доказательства, в том числе явку с повинной, данную в отсутствие защитника, при последующем отказе обвиняемого от изложенных в ней сведений.

Определением от 27 февраля 2020 г. № 268-О¹⁴ суд установил, что ст. 142 УПК РФ не предполагает присутствия адвоката при заявлении лицом явки с повинной, однако и не исключает права лица сделать такое сообщение в присутствии адвоката.

Следует разъяснить, что практика применения данного подхода региональными судами общей юрисдикции выработала следующее право: явка с повинной, данная без адвоката и без

разъяснения права на получение помощи адвоката, признается недопустимым доказательством, если подсудимый в дальнейшем отказался от изложенных в ней обстоятельств¹⁵.

В части оценки показаний и протоколов следственных действий применимым в повседневной следственно-судебной практике можно считать Определение КС РФ от 26 марта 2020 г. № 789-О¹⁶. По делу заявителем оспаривалась конституционность ч. 2 ст. 75 и 188 УПК РФ как позволяющих якобы признавать допустимыми доказательствами показания свидетелей и потерпевших, которые вызваны для дачи показаний повесткой, а иным способом.

Рассмотрев дело, суд определил, что вызов свидетелей и потерпевших иными доступными следователю способами не влечет признания их показаний недопустимыми, поскольку «статья 188 УПК РФ сама по себе не создает никаких препятствий для реализации обвиняемым своих прав».

Принципиально важным в данном определении представляется, на наш взгляд, уход суда от строго формальной оценки доказательств в пользу рассмотрения их по существу.

В этой связи большое значение приобретает также Определение от 29 мая 2014 г. № 1049-О¹⁷, непосредственно затрагивающее вопрос оценки свидетельских показаний по уголовному делу.

На разрешение КС РФ ставился вопрос о конституционности положений ст. 75 УПК РФ, поскольку они по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, позволяют,

¹³ Определение Конституционного Суда РФ от 30 января 2020 г. № 224-О // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 27 февраля 2020 г. № 268-О // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁵ Апелляционное определение Калужского областного суда по делу № 22-1331/2019 // Обзор апелляционной практики судебной коллегии по уголовным делам Калужского областного суда за IV квартал 2019 г. URL: http://files.sudrf.ru/2860/user/obzor_SK_po_UD_4_kvartal_2019.doc (дата обращения: 15.09.2020).

¹⁶ Определение Конституционного Суда РФ от 26 марта 2020 г. № 789-О // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁷ Определение Конституционного Суда РФ от 29 мая 2014 г. № 1049-О // СПС «КонсультантПлюс».

по его мнению, произвольно осудить обвиняемого, используя свидетельские показания, основанные на предположении или слухе, когда достоверность таких показаний невозможно проверить ввиду смерти лица, на которого ссылаются свидетели.

В принятом решении суд указал, что уголовно-процессуальный закон не содержит положений, освобождающих субъектов доказывания от обязанности исследовать доводы подозреваемого (обвиняемого) о признании тех или иных доказательств не имеющими юридической силы и при наличии обоснованных сомнений — отвергнуть их. Это относится и к случаям исследования показаний свидетелей, ссылающихся на сведения об имеющих значение для дела фактических обстоятельствах, полученные ими от определенного лица, впоследствии умершего (признанного умершим). Такие показания оцениваются судом в совокупности с другими доказательствами по делу с точки зрения их относимости, допустимости, достоверности и достаточности и сами по себе не могут рассматриваться как основанные на предположении или слухе.

Из озвученной судом позиции можно сделать вывод, что сами по себе показания, основанные на сведениях, полученных от умершего лица, недопустимыми не являются. При условии соблюдения предусмотренных законом норм о собирании, проверке и оценке доказательств они могут быть использованы по уголовному делу.

Еще одним источником конституционного подхода к оценке доказательств (в данном случае — протокола обыска в жилище) является Определение от 17 июля 2014 г. № 1788-О¹⁸.

Заявителем по делу оспаривалась конституционность ч. 5 ст. 165 УПК РФ, которая якобы позволяет следователю

проводить обыск в жилище лица, задержанного правоохранительными органами, без его непосредственного участия, имея при этом фактическую возможность доставить это лицо к месту производства обыска.

Отказав в принятии самой жалобы к производству, КС РФ разъяснил, что в соответствии с уголовно-процессуальным законом при производстве обыска участвуют лицо, в помещении которого производится обыск, либо совершеннолетние члены его семьи. Следовательно, сам факт неучастия задержанного лица в обыске его жилища не влечет признания протокола обыска недопустимым доказательством.

Важной и традиционно вызывающей вопросы в правоприменительной практике является тема использования в доказывании материалов оперативно-разыскной деятельности (далее — ОРД). В недавнем Определении от 23.04.2020 № 1070-О¹⁹ КС РФ дал оценку ст. 74 и 89 УПК РФ как позволяющим использовать в доказывании материалы ОРД, полученные до момента регистрации сообщения о преступлении.

Проверив оспариваемые положения, КС РФ указал со ссылкой на свои прежние решения, что материалы ОРД, получение которых предшествовало организации доследственной проверки, оцениваются в обычном порядке, при соблюдении всех условий доказывания, в связи с чем сами по себе не могут быть признаны недопустимыми на основании лишь времени (этапа) их получения.

В продолжение блока позиций КС РФ об оценке материалов ОРД при доказывании по уголовному делу предлагаем к рассмотрению Определение КС РФ от 23 апреля 2020 г. № 1055-О²⁰

¹⁸ Определение Конституционного Суда РФ от 17 июля 2014 г. № 1788-О // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁹ Определение Конституционного Суда РФ от 23 апреля 2020 г. № 1070-О // СПС «КонсультантПлюс».

²⁰ Определение Конституционного Суда РФ от 23 апреля 2020 г. № 1055-О // СПС «КонсультантПлюс».

по вопросу получения оперативным путем образцов голоса.

Поводом для конституционного производства послужила жалоба гражданина на содержание ст. 202 УПК РФ, допускающей по поручению следователя негласное (без соответствующего уведомления) получение оперативным сотрудником образцов голоса гражданина, а также последующее использование их в доказывании по уголовному делу.

Проанализировав положения закона, а также их место в правоприменительной практике, КС определил, что ст. 202 УПК РФ допускает возможность принудительного получения образцов при условии обоснованности и соразмерности ограничения конституционных прав личности.

При этом, соотнося право обвиняемых отказаться от добровольной дачи исследуемых образцов и необходимость защиты прав потерпевших от преступлений, КС РФ отметил, что такой от-

каз обвиняемого делает невозможным реализацию положений ст. 202 УПК РФ и препятствует эффективному решению задач уголовного судопроизводства. В связи с изложенным, получение образцов голоса допустимо с помощью иных процедур, в том числе путем негласного проведения оперативно-разыскных мероприятий. Такое негласное получение образцов не означает самовольного вмешательства в частную жизнь гражданина, но является следствием выполнения функции по защите общественных интересов от преступных посягательств.

Таковы некоторые источники конституционного толкования норм уголовного процесса, касающихся оценки доказательств по уголовным делам. Перечень их не является исчерпывающим или статичным, что обусловлено подвижностью самих уголовно-процессуальных конструкций и вопросов доказывания.

Литература

1. Боруленков Ю.П. Юридическое познание (некоторые методологические, теоретические и праксеологические аспекты) : монография / Ю.П. Боруленков ; под научным редактированием В.Н. Карташова. Москва : Юрлитинформ, 2014. 391 с.
2. Зорькин В.Д. Буква и дух Конституции / В.Д. Зорькин // Российская газета. Федеральный выпуск. 2018. 9 октября.
3. Ковтун Н.Н. Акты конституционного правосудия как вектор формирования современной уголовно-процессуальной политики / Н.Н. Ковтун // Конституционно-правовые проблемы уголовного права и процесса : материалы международной научной конференции (г. Санкт-Петербург, 30–31 октября 2009 г.) / составитель К.Б. Калиновский. Санкт-Петербург : Петрополис, 2010. 368 с.
4. Ковтун Н.Н. Плеяда пяти немерцающих звезд-доминант, или Система российского уголовно-процессуального права в поисках доминанты и внутренней согласованности / Н.Н. Ковтун // Уголовное судопроизводство. В 3 томах. Т. 1 / Н.А. Колоколов [и др.] ; под редакцией Н.А. Колоколова. 2-е изд., испр. и доп. Москва : Юрайт, 2019. С. 104–109.
5. Махтук С.О. Опровержение опровержения как способ доказывания в уголовном процессе / С.О. Махтук // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2020. № 1 (23). С. 148–150.
6. Познер Р. Рубежи теории права / Р. Познер ; перевод с английского И.В. Кушнарева ; под редакцией М.И. Одинцовой. 2-е изд. Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 479 с.